

Флетчер Нибел
Чарльз Бейли
**Чикагский
вариант**

2016

**Флетчер Нибел
Чарльз Бейли**

ЧИКАГСКИЙ ВАРИАНТ

**Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2016**

Флетчер Нибел
01.10.1911 – 26.02.1993
Чарльз Бейли
28.04.1929 – 03.01.2012

Флетчер Нибел, Чарльз Бейли. Чикагский вариант. – Москва, Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2016 – 114 с., перевод А. Шарова, илл. Л. Тетенко, Г. Горелова, Г. Филипповского.

Во второй том шеститомного собрания сочинений американского журналиста и писателя Ф. Нибела включён роман «Чикагский вариант (Чикагский расклад)», написанный им в соавторстве с Ч. Бейли.

Роман повествует о скрытой, но весьма характерной для американской политической системы стороне партийных съездов по выдвижению кандидатов в президенты.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п. Все материалы получены из открытых источников.

© Fletcher Knebel, Charles W. Bailey II. Convention, 1964
© Паровая типолитография А. А. Лапудева,
состав, редактирование, 2016

ФЛЕТЧЕР НИБЕЛ, ЧАРЛЗ БЕЙЛИ

Чкаловский расклад

приключенческий роман

Арчи дю Пейдж приоткрыл было дверь, но, заслышав доносившиеся из коридора крики и барабанную дробь, вновь поспешно вернулся в номер. Группа самодеятельных музыкантов промаршировала мимо, громко распевая калифорнийский гимн, на все лады восхвалявший губернатора Брайана Робертса. Миновав номер дю Пейджа, замыкавший шествие юнец задержался на мгновение и крикнул:

— Эй, ты, там, не грусти! Робертс возьмёт тебя в вице-президенты!

Арчи выждал некоторое время, потом прошёл в апартаменты кандидата. Внимание собравшихся здесь, как обычно, было поглощено телефоном. Министр финансов Чарлз Манчестер, высокий и стройный красавец, стоял у стола и говорил по белому телефону, а рядом нетерпеливо переминались с ноги на ногу два его помощника. В штабе кампании под лозунгом «Манчестера — в президенты!» только что начался новый трудовой день.

— Это очень разумно, господин президент, — вежливо, исполненным уважения тоном говорил Манчестер. — Не волнуйтесь, я пока помолчу о сельскохозяйственной программе... Да, я знаю. Спасибо, сэр. Теперь, после вашего звонка, чувствую себя куда увереннее. До свидания, господин президент...

Манчестер положил трубку и улыбнулся помощникам.

— Старый лис, — сказал он. — Захотел, видите ли, пожелать мне ни пуха ни пера перед пресс-конференцией. На самом-то деле его волнует, как бы я не покритиковал его программу развития ферм. Ну что, пошли?

Все четверо во главе с Манчестером вышли из номера. Кандидат не торопился. Арчи заметил, что тот держится очень прямо, и невольно расправил плечи, стараясь скрыть недавно обозначившуюся сутулость. Манчестер слегка теребил пальцами мочку уха, и по этому признаку Арчи определил, что кандидат немного взволнован. Мысли его, судя по всему, были заняты предстоящей пресс-конференцией и теми каверзными вопросами, которые ему могли задать.

— Чёрт бы побрал этих калифорнийцев с их гимном! — пробормотал толстяк Оби О'Коннел, вразвалку семенивший рядом с кандидатом.

— Хороший гимн, — отозвался Манчестер. — Мне, во всяком случае, нравится.

— Эх, Чарли, — проговорил О'Коннел, потирая обрюзгшую физиономию. — Ты просто ещё не знаешь, что такое конвент. Поначалу-то тут всё нравится...

Льюис Коэн, профессор Принстонского университета и советник Манчестера по политическим вопросам, втиснулся между кандидатом и главой его штаба.

— Господин министр, — хмурясь, произнёс он. — Не стоит сейчас распространяться насчёт сельскохозяйственной программы. Подождём, пока будет готов отчёт экспертов. Даже если вас выберут кандидатом в президенты...

— Что значит «если», Льюис? — спросил Манчестер, на ходу улыбаясь коротышке-профессору. — Мы выиграем после первого же голосования.

— Победу приносит только последний тур, — поправил его О'Коннел.

— Что ж, будь по-твоему, — покладисто согласился Манчестер и вновь расплылся в улыбке.

Без двух минут десять Манчестер вошёл в большой зал отеля «Хилтон» и приветствовал толпу зрителей и журналистов. Четыре телекамеры тут же уставились на кандидата, замелькали вспышки фотоаппаратов. Трое помощников Манчестера уселись в кресла, а сам он приблизился к трибуне. Ровно в десять утра министр поднял руки, прося тишины.

— Спасибо за радушие, — произнёс он. — Однако на ближайшие полчаса я поступаю в распоряжение прессы, и давайте не будем мешать её работе. Итак, дамы и господа, я к вашим услугам!

В зале засмеялись, глухо затарахтел стенотип. Манчестер пригладил ладонью чёрную шевелюру, в которой поблёскивали седые пряди, и кивнул одному из репортёров.

— Корсон, Ассошиэйтед Пресс, — представился тот. — Господин министр, вам предрекают победу после первого же тура голосования. Вы согласны с этим прогнозом?

Манчестер стиснул ладонями края трибуны.

— Пять минут назад руководитель моей избирательной кампании мистер О'Коннел заявил, что победу всегда приносит последний тур, — ответил он. — Мне не хочется вступать с ним в противоречие. По крайней мере, до вторника, пока не пройдёт переключка штатов.

Репортёры захохотали.

«Порядок, — подумал Арчи. — Однако пора настраиваться на серьёзный лад».

Словно прочитав его мысли, Манчестер согнал с лица непринуждённую улыбку и серьёзно посмотрел на журналистов. Один из них поднял руку.

— Карл Джонсон, «Реджистер». Господин министр, последний опрос в штате Айова показал, что сельскохозяйственную программу Стюарта поддерживают лишь тридцать процентов фермеров. У вас есть какой-то новый путь решения этой проблемы?

Манчестер кивнул. Его так и подмывало сказать, что программу давно пора выбросить на помойку как совершенно негодную, однако он вовремя вспомнил о предостережениях президента и Льюиса Коэна. Кандидат слегка нахмурил брови.

— Я не видел результатов опроса, — проговорил он. — Однако даже противники программы согласятся со мной, если я скажу, что президент искренне надеялся найти разумное решение этой насущной проблемы. Конечно, программа не лишена недостатков, и это понимаю не только я, но и президент. Сейчас готовится новый проект, который будет представлен в окончательной редакции ко Дню труда, не позже.

Пресс-конференция пошла полным ходом и постепенно превратилась в дотошный допрос.

Манчестер отвечал на вопросы спокойно и уверенно. Лишь однажды он отвернулся от газетчиков и, бросив взгляд на Арчи дю Пейджа, убедился, что его помощник по связям с прессой вполне удовлетворён ходом дела.

В этот миг посреди зала встал пожилой джентльмен и попросил передать ему микрофон.

— Кэлвин Бэррауфс, независимый издатель, — представился он. — Господин министр, ходят слухи, будто бы вы против увеличения оборонного бюджета. Насколько я помню, вы ещё ни разу не высказывались на эту тему публично. Может быть, настало время внести ясность?

— С удовольствием, мистер Бэррауфс, — отвечал Манчестер. Он на мгновение умолк, подбирая нужные слова, по-

том осторожно заговорил: — Со времён второй мировой войны наша страна постоянно ощущает на своих плечах тяжкое бремя военных расходов. Боюсь, что нам и впредь придётся выделять значительные суммы на основные статьи оборонного бюджета. Несмотря на то, что совместными усилиями нам удалось частично разрядить напряжённость в отношениях с Советами, «холодная война» ещё не окончена. Ядерного оружия, которым обладают Соединённые Штаты сегодня, вполне достаточно не только для того, чтобы стереть с лица земли Россию, но и чтобы уничтожить саму человеческую цивилизацию... Короче говоря, сейчас возник вопрос: нужно ли вообще наращивать военный потенциал. У меня нет определённого мнения на этот счёт. Пусть мне докажут, что наша оборона нуждается в ещё большем числе боеголовок и носителей. Вы удовлетворены, мистер Бэррауфс?

— Нет, сэр. Как вы знаете, сейчас решается вопрос о нескольких крупных военных контрактах, которым пока ещё не дан ход...

— Это мне известно, — Манчестер говорил, тщательно подбирая слова. — Вряд ли есть смысл вести речь об уже выработанных планах. Скажу только, что, если меня выдвинут кандидатом и изберут в президенты, я, пожалуй, рассмотрю их заново.

— А что вы можете сказать о проекте «Дафна»? Как вы знаете, его общая стоимость исчисляется суммой в десять миллиардов долларов.

— Контракт на реализацию проекта «Дафна» одобрен министром обороны и президентом...

— Одобряете ли его вы, как министр финансов?

— Я нахожусь здесь не как министр финансов, а как человек, выставивший свою кандидатуру на пост президента от республиканской партии.

— Стало быть, не одобряете.

— Смею надеяться, что мои слова достаточно ясно отражают то, что я чувствую и думаю.

— Значит, став президентом, вы пересмотрите и проект «Дафна»?

— В числе всех прочих — да.

Двое газетчиков, стоявших возле дверей, бросились вон из зала. Один из них зацепился карманом пиджака за дверную ручку, и треск рвущейся ткани слился с возбуждённым гулом голосов. Арчи дю Пейдж вскочил и зашептал что-то на ухо Манчестеру, тот отрицательно покачал головой и снова повернулся к микрофонам.

— Я вижу, мои слова не на шутку взволновали вас, — сказал он. — Позвольте же мне объясниться. По данным объединённой комиссии Конгресса по атомной энергии, в нашем арсенале насчитывается и так слишком много ядерных боеголовок и бомб. Стоит взорвать их все одновременно, и человечеству конец. Я совершенно искренне заявляю: довольно! Конкретно о «Дафне». Насколько я понимаю, весь смысл проекта в том, чтобы на какие-то секунды сократить время полёта ракеты-носителя от наших стартовых площадок до цели. Я считаю, что тратить десять миллиардов ради того только, чтобы на несколько секунд раньше похоронить человечество, чистойшей воды идиотизм!

— Идиотизм? Мы не ослышались, сэр?

— Ну, возможно, это слишком сильное выражение, однако оно вполне соответствует моим чувствам.

О'Коннел тихонько застонал, профессор Коэн щёлкнул суставами пальцев. Арчи дю Пейдж ощутил смутную тревогу.

— Господин министр, фирма «Юнивесл фордж» объявила о своём намерении нанять десять тысяч сотрудников с тем, чтобы обеспечить проект «Дафна» рабочей силой. Получается, теперь эти люди останутся без работы, так?

— Я не намерен комментировать действия фирмы «Юнифордж». Моя цель — совершенно искренне поделиться с вами своими соображениями относительно проблемы, которую я считаю глобальной и жизненно важной для всего человечества.

— Сэр, намерены ли вы использовать свой тезис о необходимости соблюдать меру как средство в борьбе против губернатора Робертса?

— Я думаю, что мистер Робертс солидарен со мной в этом вопросе.

— Благодарим вас, господин министр! — прокричал какой-то корреспондент телефонного агентства, бросаясь к двери. Толпа репортёров повалила следом.

В кабине служебного лифта О'Коннел тяжело привалился к стене и снова принялся потирать пальцами щёки.

— Эх, святая простота... — пробормотал он. — В политике от неё куда больше бед, чем от лицемерия.

— Ты считаешь, что я зашёл слишком далеко? — растерянно спросил Манчестер.

— Далеко! Где это видано — откровенничать накануне голосования!

— А твоё мнение, Арчи?

Дю Пейдж глубоко вздохнул.

— Я восхищён вашей искренностью, босс, и всё, что вы сказали, правильно. Только вот подходящий ли сейчас момент для таких речей? Не думаю, чтобы президент Стюарт...

— Чёрт возьми! — воскликнул Манчестер, сжимая кулаки. — До каких пор я должен отмалчиваться по всем сколько-нибудь важным вопросам и подпевать Стюарту? У меня, в конце концов, есть своя голова на плечах!

Молодой человек в гробовой тишине пересёк комнату и выключил телевизор. Взгляды пятерых мужчин разом обратились на кресло, в котором восседал шестой член компании — грузный здоровяк в жёлтом купальном халате.

— Что вы об этом скажете, губернатор? — спросил Карл Флейшер, руководитель кампании по выдвижению Брайана Робертса.

Губернатор закинул ногу на ногу и вперил взор в потухший телеэкран.

— Пожалуй, сперва лучше выслушаем наших экспертов, — проговорил он. — Дэви, начинай.

Молоденький пресс-секретарь немного поразмыслил.

— По-моему, — сказал он, — Манчестер набрёл на нечто такое, что породит в стране нужный ему отклик. Понравится ли всё это президенту Стюарту — другой вопрос. Старик ведь одобрил «Дафну».

— Что верно, то верно, — согласился Карл Флейшер. — Однако в отличие от Дэви я полагаю, что Манчестер дал маху: в стране полным ходом идёт строительство ракет, и многие из делегатов наверняка призадумаются о том, не ударит ли выдвижение Манчестера по их чековым книжкам.

Робертс кивнул долговязому Роджеру Абботу, старейшине канзасских республиканцев, занимавшему в калифорнийском штабе вторую по важности должность после Карла Флейшера.

— Не могу отделаться от мысли, что Манчестер и Стюарт отрепетировали всё это в Белом доме, — заявил Аббот. — Скоро из Вашингтона дадут знать о полном согласии между президентом и министром финансов. Будь осторожен, Бин, взвешивай каждое слово.

Остальные помощники Робертса высказались приблизительно в том же духе, после чего все члены штаба вновь установились на своего кандидата, который молча барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Вы не знаете Манчестера. Чарли выложил то, что было у него на душе, — сказал наконец Робертс. — Своим вопросом Кэл Бэррауфс просто вышиб затычку, и вода полилась наружу. Министр слишком откровенен, и это может выйти ему боком.

Распахнулась дверь, и в номер вбежала молоденькая девушка с эмблемой Робертса на груди.

— Губернатор, в приёмной толпятся с полсотни газетчиков, — объявила она. — Им не терпится узнать ваше мнение о ракетном вопросе.

— Никаких пресс-конференций, милочка, — произнёс пресс-секретарь.

— Да, — согласился Робертс. — Однако предупредите их, что через полчаса мы сделаем краткое заявление.

— Не открыть бы огонь раньше времени, — предостерег Карл Флейшер.

— Надо же хоть что-то сказать, — возразил пресс-секретарь. — Глупо замалчивать вопрос о вооружениях.

— Скажем, — успокоил его Робертс. — Чарли обеспечил нам хороший старт. Думаю, лучше всего нам высказаться в том духе, что столь важные вопросы должны решаться высокими правительственными комиссиями, а не разгорячёнными партийной борьбой кандидатами на выдвиженцы в президенты.

— Начать надо со слов одобрения в адрес Манчестера, — подал голос Аббот. — Не хватало ещё, чтобы нас объявили мракобесами и противниками мира. Насколько я знаю, у меня в Канзасе очень сильны антивоенные настроения, уверяю вас.

Флейшер покачал головой.

— Чековая книжка — вот что сыграет главную роль на этом конвенте, — сказал он. — Среди делегатов будут представители тех районов страны, где много оборонных заводов. Нам не стоит отказываться от их голосов.

— Вы оба правы, — произнёс Робертс. — Роджер, запиши-ка, что я скажу. Начинай. «Каждый американец сознаёт необходимость создания в стране стойкой оборонной системы. Мы не можем позволить себе расслабиться и утратить бдительность перед лицом военной экспансии Советов, чего бы это ни стоило нашим налогоплательщикам. Этот вопрос требует длительного и дотошного исследования и должен решаться Советом национальной безопасности, а не партийным съездом». Ну как?

— Я бы выкинул эти слова о налогоплательщиках, — предложил Аббот. — Сейчас август, а не апрель.

— По моему, — сказал Карл Флейшер, — Манчестер здорово сглупил, заговорив об идиотизме применительно к «Дафне». Газеты ухватятся за это, и кое-кому станет не по себе. Надо как-то обыграть этот момент с пользой для нашего дела.

— Возможно, — согласился Аббот. — Однако давайте решать скорее. Кто-нибудь из наших записывал пресс-конференцию?

Флейшер кивнул и взялся за телефонную трубку.

— Студию, пожалуйста... Генри, это ты? Карл беспокоит. Прочти-ка нам тот абзац про «идиотизм». Так... так... спасибо!

— Мне кажется, Манчестер путает две вещи, — проговорил Робертс, дослушав запись. — «Дафна» предназначена отнюдь не для того, чтобы приблизить конец света, а для того, чтобы нанести удар по России быстрее, чем любая другая ракета. Искренность так и прёт из Манчестера наружу, производя подчас незавидное впечатление. Вот где его кандидатская слабинка... Выборы будут не из лёгких, и стоит Чарли споткнуться хоть однажды, как демократы тут же втопчут его в грязь.

— К чёрту демократов! — резко сказал Флейшер. — Сейчас надо думать о том, как победить на республиканском съезде. Я считаю, что слово «идиотизм», сорвавшееся с уст Манчестера, делает его позицию уязвимой безотносительно к тому, прав он в принципе или нет.

— Верно, — задумчиво проговорил Робертс. — Должна же быть какая-то зацепка, чтобы свалить Чарли... Вот что, запишите-ка новый текст заявления. Диктую: «Вопрос о вооружениях требует серьёзных исследований. Вряд ли можно решить такую проблему путём огульного обвинения людей, работающих на оборону, в умственной неполноценности. Решающее слово в этом вопросе должно принадлежать Совету национальной безопасности, а не разгорячённому борьбой кандидату, ещё даже не выдвинутому республиканским съездом на роль кандидата в президенты».

— Тут дважды повторяется слово «кандидата», — сказал пресс-секретарь. — Что, если заменить его один раз на «соискатель»?

— Пусть будет «соискатель», — согласился Робертс. — Главное не в словах, а в том, чтобы создать у делегатов впечатление, что Чарли слишком много на себя берёт. А это, в свою очередь, породит сомнения в его достоинствах как кандидата и соответствии высокому рангу президента Соединённых Штатов. Если замечаний по тексту больше нет, пусть Дэви пойдёт и скормит его этому газетному зверю.

Не успел пресс-секретарь выйти из номера, как зазвонил телефон. Трубку снял Карл Флейшер.

— Это из отдела по связям с профсоюзами, — сказал он. — Им только что звонил Гас Мэгуайр. Хочет встретиться с нами. Похоже, Манчестер задел его за живое.

Мэгуайр был председателем профсоюза рабочих ракетной и авиационной промышленности, стоявшего по числу членов на пятом месте в стране.

— Если так, — продолжал Флейшер, — то вот вам и зацепка.

Он поднял трубку внутреннего телефона и попросил связать его с картотекой.

— Арт, это ты? Я хочу знать, сколько делегатов республиканского съезда состоит членами ракетного профсоюза. Нет, делегаты с правом совещательного голоса меня пока не интересуют, только те, кто с правом решающего голоса... Так, хорошо, жду. Спасибо!

— Тридцать три человека из семнадцати штатов, — объявил Флейшер, опустив на рычаг трубку. — Большинство — из Калифорнии.

— У нас ещё никогда не было такой чудесной службы информации, — заметил Робертс.

— Арт Сегунда — бог в своём деле, — сказал Флейшер и умолк, сосредоточенно размышляя о чём-то. Он достал какую-то пилюлю, запил её водой и продолжал: — Интересно всё же, зачем звонил Мэгуайр? Недавно он очень тепло отзывался о Манчестере, и я думаю, что мы не ошибёмся, перетянув его на нашу сторону.

— Это даст нам всего тридцать три голоса, — скептически произнёс Аббот. — Да и то если Мэгуайр обработает всех своих людей до единого.

— Обработает, — заявил Флейшер, взглянув на клочок бумаги, который держал в руке. — Кстати, четверо из этих парней — члены делегации Пенсильвании.

— Питтсбург, — произнёс Аббот. — У фирмы «Юнифордж» там большой завод по производству боеголовок.

— Давайте оставим Пенсильванию в покое, — сказал Робертс. — Бен Уилкоккс, похоже, считает делегатов личной собственностью и не пустит нас в свою епархию.

Флейшер кивнул в знак согласия.

— Губернатор Уилкоккс симпатизирует Манчестеру и в последний момент отдаст голоса ему, как бы мы ни старались заграбастать их.

— Забудем об этом, — предложил Робертс. — Как наши дела по сравнению со вчерашним днём, Карл?

— Мы потеряли один штат и ещё двух делегатов. Вечером миссурийцы совещались в Сент-Луисе при закрытых дверях, после чего прибыли сюда и заявили, что будут голосовать за Манчестера. То же самое сказали ещё два делегата, из Иллинойса и Кентукки. У него 410 верных голосов, включая 197 оставшихся после предварительного голосования. У нас — 278, считая Калифорнию. По моим расчётам, ещё 180 делегатов склоняются на сторону Манчестера. Это почти победа. Мы же располагаем в лучшем случае 375 голосами при

условии, что на нашей стороне останутся те, кто к сегодняшнему дню заявил об этом.

— Стало быть, нам может помочь только чудо? — спросил Робертс.

— Стало быть, так, — отвечал Флейшер. — Хотя все эти подсчёты, возможно, уже устарели. После пресс-конференции Манчестера положение могло в корне измениться, хотя ручаться за это нельзя. Пошли, Роджер, — обратился он к Абботу. — У нас дел по горло.

Помощники оставили губернатора в его номере, и вышли в коридор, набитый газетчиками и телеоператорами. Пресс-секретарь Робертса только что закончил чтение декларации и теперь всеми силами отбивался от осаждавшей его журналистской братии.

Оставшись в одиночестве, Робертс принял душ, влез в свои шорты шестьдесят второго размера и, немного подумав, взялся за телефонную трубку.

— Алло, коммутатор? — зычным голосом спросил он. — Попробуйте-ка связаться с мистером Марком Дэвидсоном. Он либо тут, в Чикаго, в какой-то из гостиниц, либо в Лос-Анджелесе. Да, да, Дэ-вид-сон. Этот человек — президент фирмы «Юнивесл фордж».

В свои сорок восемь лет миссис Грейс Оркотт была высока и элегантна, белая кожа её сохраняла гладкость и матовый блеск, а глаза смотрели обезоруживающе открыто. Двадцатичетырёхлетняя Кей немного походила на свою мать, но была чуть ниже ростом.

— Удивляюсь, как взрослые люди, собаку съевшие на политике, могут всерьёз верить в то, что Робертса выдвинут в кандидаты от республиканской партии, — проговорила Кей, отрываясь от своей чашки кофе. — По-моему, Манчестер уже может потирать руки: его дело в шляпе.

Грейс извлекла из сумочки сигарету, и дочь поспешила поднести огонь, по-мужски держа спичку в сложенных чашечкой ладонях.

— Спасибо, милая, — поблагодарила миссис Оркотт. — Ты права: Робертс отстал на целую голову. Но вся штука в том, что голосование состоится в четверг, а не сегодня.

— Однако у министра финансов уже сейчас вдвое больше верных голосов.

— Ему вдвое больше обещано, это так, — произнесла Грейс таким тоном, будто вразумляла прилежного, но туповатого ученика. — Но это вовсе не означает, что через пять дней Чарли будет располагать подавляющим большинством голосов. Конвент есть конвент, всякое может случиться.

— Например?

— Чарлз Манчестер может получить по шапке от высокого начальства. Или же Бин Робертс вдруг купит делегатов личным обаянием. По совести говоря, я больше всего боюсь, как бы Манчестер не разбил делегатов на маленькие группки и не очаровал их всех по отдельности. Он это умеет. Но нельзя забывать, что Чарли — новичок в политике, а на съезде ему не простят ошибок. Что до Робертса, то он — стреляный воробей.

— Ты просто успокаиваешь себя, мама, — возразила Кей. — А на самом деле не веришь, что у Робертса есть шансы.

Грейс Оркотт рассмеялась.

— Девочка моя, да разве стала бы я объявлять о своём намерении поддержать Робертса, если б не верила в него? Клянусь тебе: партийный съезд — штука куда более непредсказуемая, чем ты представляешь. И довольно об этом. Скажи-ка лучше, как ты намерена развлекаться при моём попущительстве?

— Для начала, наверное, схожу на бал молодых республиканцев в Эджуотер-Бич. Может, пойдём вместе?

— Нет уж, спасибо, — смеясь, ответила Грейс и поднялась из-за стола. — Но идею твою я одобряю. Не забудь только нацепить значок с эмблемой Робертса.

Улыбчивый стюард распахнул перед ними дверь вагона-ресторана, и мать с дочерью вышли в тамбур.

— Вот что, Кей, — воскликнула Грейс Оркотт, перекивая скрежет металла и стук колёс, — не трать время на

молокососов. Может, тебе удастся заарканить пару делегатов и обработать их как надо!

— Значит, моя главная цель — не замужество, а поставка голосов Робертсу?

— Одно другому не мешает, малышка.

— Ну, что ты теперь думаешь о нашем семейном политикане? — спросил Джейк Манчестер, выключая телевизор после окончания трансляции пресс-конференции.

— То же, что и всегда, — отвечала его жена Пэтси. — Он прелесть.

Молодой человек пожал плечами и, подойдя к огромному окну, посмотрел вниз, на залив Сан-Франциско. Манчестер-младший был очень похож на отца: такие же чёрные локоны и резкие черты лица, такая же чуть смугловатая кожа, много общего в манере держаться и привычках. Правда, фигурой и сложением он больше походил на мать.

— Прелесть, говоришь? — переспросил сын министра финансов. — Вот уж не знаю... Надо же было выбрать такое местечко для разглагольствований о военной политике. Господи!

— Нельзя вечно замалчивать эту тему, — возразила Пэтси. — Неужели ты никогда не задумывался об атомной войне? Я считаю, твой отец прав: довольно с нас оружия!

Пэтси с обиженным видом начала собирать со стола тарелки и чашки, потом вдруг остановилась и повернулась к мужу.

— Джейк, — сказала она, — мы должны лететь в Чикаго.

— Зачем? Отец нас не звал.

— Думаешь, он не обрадуется?

— Это его шоу, Пэтси. Не моё.

— Жаль, — разочарованно произнесла женщина. — А мне бы хотелось быть там и иметь возможность хоть чем-то помочь ему. Что толку сидеть здесь, в двух тысячах миль от поля битвы?

— Нервы? — спросил Арчи, видя, что Оби О'Коннел брезгливо разглядывает свои потные пальцы.

— Да, чёрт возьми, — отвечал руководитель кампании по выдвижению Манчестера. — Слава богу, хоть ветерок подул... Значит, так: ты берёшь на себя вечеринку у мэра. Я, по старости, займусь ужином для партийного руководства, потом отправлюсь на званые обеды к делегатам Небраски и Айдахо. Коэн пойдёт на банкет к парням из Нью-Джерси, а ты под самый конец загляни на бал республиканской молодёжи. В одиннадцать я буду ждать тебя в клубе «Чикаго» у «пяти-тысячников».

— Сколько времени министр посвятит этим жирным котам?

— Двадцать минут. Потом явится Робертс со своей командой. Без двух минут одиннадцать ты должен быть в клубе, как штык.

— Как ваши дела, Оби?

О'Коннел вздохнул и подтолкнул Арчи к стоявшему у тротуара такси.

— Я уже говорил, что утренний фортель Чарли застал меня врасплох, не так ли? И всё же последний тур должен принести нам победу...

В мэрии толпились тысячи две гостей. Арчи нырнул в самую гущу людей, прокладывая себе путь к окнам, вдоль которых была сооружена импровизированная стойка бара. Арчи заказал виски со льдом, расправил плечи и огляделся. Пора было приниматься за работу.

Не без труда перемещаясь по набитому публикой залу, Арчи вслушивался в обрывки разговоров. Как и предполагалось, главным и единственным предметом споров была пресс-конференция министра финансов. То небольшое, что Арчи удалось услышать, не на шутку встревожило его. Похоже, симпатии делегатов мало-помалу склонялись на сторону Робертса.

Спустя два часа он уже ехал в такси вдоль берега озера. На чёрно-синем небе ярко сияли звёзды. Шофёр вёл машину молча, и Арчи впервые за два дня смог насладиться коротким отдыхом вдали от людских толп с их невыносимым гвалтом.

Вскоре он прибыл в отель «Эджуотер-Бич», где национальная федерация молодых республиканцев давала бал для делегатов, которым ещё не стукнуло тридцати пяти лет. Наспех пригладив волосы, Арчи вошёл в танцевальный зал, разделённый на две половины, в каждой из которых играл свой оркестр. С первого взгляда Арчи стало ясно, что ни Манчестер, ни Робертс не получают здесь вожделенных голосов. Молодёжь веселилась, будто на выпускном вечере. Арчи поймал себя на том, что его ноги непроизвольно притопывают в такт мелодии, и улыбнулся, вспомнив свои студенческие вечеринки. Он никак не мог взять в толк, на что рассчитывал О'Коннел, посылая его сюда. Арчи достал сигарету и принялся искать по карманам зажигалку, когда заметил рядом с собой девушку, которая с улыбкой наблюдала за ним.

— Вы позволите, сэр? — низким приятным голосом произнесла она, поднося к его сигарете сложенную чашечкой ладонь с горящей спичкой. Арчи прикурил и удивлённо поднял глаза.

— Где это вы научились так складывать ладонь? — спросил он. — Совсем по-мужски.

Она улыбнулась.

— У своего отца. Когда я начала курить, он заявил, что, раз уж мне неётся гробить своё здоровье, надо, по крайней мере, делать это по всем правилам.

— Но такой жест должен казаться вам, женщинам, не очень изящным.

— Ничего страшного, — возразила она. — Я и без того достаточно изысканна в манерах.

— Господи, уж не припомню, когда я в последний раз вёл такую глупую беседу, — с улыбкой сказал Арчи. — Может, лучше потанцуем?

В танце она держалась прекрасно, не млела, но и не отпихивала стыдливо партнёра, не старалась подтащить его поближе к оркестру, не мычала мелодию и не пялила глаза на соседние пары. Когда музыка смолкла, Арчи подвёл девушку к бару. Она заказала виски и промолчала, когда её партнёр попросил стакан содовой.

— Как вас зовут? — спросил Арчи.

— Кей Оркотт, — ответила она. — Из Далласа. А вас?

— Арчи дю Пейдж, из Рочестера. Гну спину на министра финансов. Как вы знаете, он сейчас здесь и домогается президентства.

— А я — за Робертса. Точнее, моя матушка, ну да, стало быть, и я тоже. Она у меня важная шишка в тexasской делегации.

— Неужели Грейс Оркотт, член национального женского комитета?

— Да. Она вам нравится?

— Вы — больше.

— Ну, это потому, что я моложе и тоже одинока.

— Что значит «тоже»?

— Вы ведь не женаты?

— Как вы догадались?

— Сразу видно. Женатики обычно все такие напыщенные...

— Скажите, вы всегда такая, или это из-за бала?

— Просто вы мне нравитесь.

Они присели и принялись болтать, потом снова потанцевали и опять болтали обо всём на свете, избегая затрагивать политику. Когда Арчи взглянул наконец на часы, было без двадцати пяти одиннадцать!

— В одиннадцать я должен быть на собрании, — сказал он. — Но к половине двенадцатого освобожусь. Вы не хотели бы пойти сегодня куда-нибудь? В Чикаго всё открыто до утра.

— С удовольствием, — просто ответила она. — Мы остановились в «Восточном Амбассадоре». Можете заехать за мной, как управитесь с делами.

— В одиннадцать сорок пять, ладно?

Она кивнула, и Арчи побежал на стоянку такси.

На пятом этаже здания, в котором разместился клуб «Чикаго», Арчи вышел из лифта и зашагал по коридору к комнате под номером 100. Стэнтон Колби, чикагский биржевой маклер, возглавлявший национальный финансовый комитет республиканцев, приветливо встретил его в дверях. Номер

был полон гостей, облачённых в вечерние костюмы, гул голосов мягко сливался со звоном бокалов. Внезапно наступила тишина, и все пятьдесят членов клуба «5000», куда допускались только те, кто внёс в фонд кампании республиканцев пять тысяч долларов и больше, как по команде, повернулись к двери. Министр финансов Чарлз Манчестер вступил в комнату в сопровождении Оби О'Коннела, с сияющей улыбкой приветствовал Стэнтона Колби, после чего поздоровался с остальными присутствующими, обращаясь к каждому просто по имени. Держался он непринуждённо, уверенно и спокойно. Наконец Колби поднял руки, требуя внимания.

— Господа, — объявил он, — сегодня у нас вечер встреч с кандидатами. Министр финансов любезно согласился уделить нам полчаса своего времени... Прошу вас, Чарли.

Манчестер развернул стул, оседлал его и сложил руки на спинке.

— Я не собираюсь держать речь, — сказал он. — До четверга ещё много времени, успеете наслушаться риторики. Хочу повторить лишь то, что вам уже известно: если меня выдвинут кандидатом и изберут в президенты, страна получит осторожную и бережливую администрацию. Обещаю не допускать бюджетных дефицитов, насколько это будет зависеть от меня. Однако и золотого века не ждите. Как человек, который четыре года помогал Стюарту сводить концы с концами, уверяю вас, что это занятие требует ежедневных отчаянных усилий. Я всё же намерен как-то поправить дело, ибо теперь мне известно, за какие верёвочки тянуть. Вот, собственно, и всё, что я хотел сказать, джентльмены. Можете начинать обстрел.

Первый вопрос прозвучал прежде, чем кандидат умолк, и задал его человек, сосредоточенно изучавший пепел на своей сигаре.

— Чарли, — произнёс он, — нас всех интересует одно: по своей ли воле вы заговорили сегодня утром о ракетах, или же вас спровоцировали на это?

— Если честно, то я не собирался высказываться на пресс-конференции, — отвечал Манчестер, — хотя уже давно намечался сделать этот вопрос частью своей программы,

поскольку разбираюсь в его тонкостях. Поэтому и не отрекаюсь от тех слов.

— Значит, контракт «Дафна» будет расторгнут, как только вас изберут в президенты?

— Я попрошу лучших специалистов тщательно изучить его, но уже сейчас считаю, что Пентагон должен представить убедительные доказательства целесообразности проекта. Если же таких данных не будет, я расторгну контракт.

— Если вам так нужны деньги, почему бы не снять средства с социальных программ? — спросил какой-то господин с физиономией, похожей на полную луну. — Зачем непременно надо грабить Пентагон?

— Дело в том, что, даже разорив бюджет социальных программ, мы не сможем и неделю прокормить на освобожденные средства министерство обороны.

— Мы восхищены вашей прямоотой, Чарли, — сказал Колби. — Позвольте же и нам говорить с вами откровенно. Ещё до вашего прихода мы обсуждали этот вопрос, и большинство здесь присутствующих сошлись на том, что ваша программа может разрушить или, по меньшей мере, серьёзно расшатать экономику страны, если вы не проявите крайнюю осторожность.

Несколько секунд Манчестер молчал. Лицо его медленно наливалось краской. Кандидат достал серебряный портсигар, и Арчи понял, что босс пытается выиграть время, чтобы взять себя в руки. Манчестер закурил тонкую сигару, выпустил колечко дыма и стал смотреть, как оно лениво тает в воздухе. Наконец он встал, оттолкнул стул и повернулся к Колби. От непринуждённой дружеской улыбки, минуту назад сиявшей на лице кандидата, не осталось и следа.

— Так вот, оказывается, в чём дело, Стэн, — проговорил он. — Оборона, национальная безопасность, способность обогнать Россию — всё это лишь ширма, так? В действительности же речь идёт о рабочих местах, окладах и, если уж быть до конца честным, о ваших прибылях, господа! Всё ясно. Знайте же, джентльмены, что для меня эти материи вторичны. Иначе и быть не может. Поймите, господа, мы все сидим

на пороховой бочке, и надо предотвратить взрыв, пока ещё не поздно!

— У нас сорок подводных лодок, — продолжал Манчестер, — каждая из которых несёт шестнадцать ракет типа «Поларис». Всего этих ракет шестьсот сорок, и боеголовки их во много раз мощнее той бомбы, что сгубила тысячи человеческих жизней в Хиросиме. Далее, мы имеем восемьсот ракет «Минитмен» в специально оборудованных шахтах. Каждая такая ракета по мощности равноценна «Поларису». А теперь сопоставьте всю эту силу с тем обстоятельством, что в СССР всего сто пятьдесят городов с населением, превышающим сто тысяч человек. Что получится? Как я уже говорил сегодня утром, объединённая комиссия по атомной энергии утверждает, что у нас есть девяносто тысяч — тысяч! — боеголовок мощностью от двадцати килотонн до ста мегатонн. Кроме того, мы располагаем достаточным количеством ракет-носителей, способных обрушить всю эту массу бомб на любую цель¹. Честное слово, джентльмены, над этим стоит задуматься. То, о чём я говорил, представляет собой наиважнейшую моральную дилемму, стоящую сегодня перед человечеством и требующую немедленного разрешения!

Колби нервно вскочил на ноги и поспешил нарушить гробовое молчание, воцарившееся в комнате после выступления Манчестера.

— Спасибо, Чарли, — пробормотал он. — Мы все очень благодарны вам за приход сюда и... — он умолк, подбирая слова, — восхищены вашей прямоотой. То, что такой человек, как вы, стремится стать президентом страны, не может не преисполнить гордостью наши сердца. Уверен, что каждый из здесь присутствующих желает вам удачи, — торопливо закончил он свою речь.

Манчестер обменялся рукопожатием с двумя-тремя финансистами, повернулся и вышел из комнаты, сопровождаемый членами своего штаба. На полпути к лифтам они встретили неприятеля.

---

¹ Авторы приводят данные об оснащённости США ядерным вооружением на 1962 год. — *Прим. перев.*

— Чарли! — вскричал Робертс, протягивая руку. — Как ты думаешь, не опасно ли мне, деревенскому парню с Запада, соваться в это волчье логово?

— Не съедят, — ответил Манчестер. Его совсем не маленькая ладонь полностью исчезла в огромной лапе Робертса.

— Ой ли? — усомнился калифорниец. — Они же, как никак, твоего поля ягоды, всё больше банкиры да маклеры...

Манчестер улыбнулся. Кандидаты немного постояли, оценивая оглядывая друг друга, потом разошлись. Любезности кончились. Подойдя к лифту, министр финансов услышал аплодисменты, доносившиеся из только что покинутой им комнаты, и остановился.

— Продажные твари! — прорычал О'Коннел.

— Я сам виноват, — возразил Манчестер. — Слишком увлёкся проповедями. А ведь в своём отечестве, как известно, нет пророка.

На улице вся компания уселась в ждавший у тротуара лимузин и отправилась в «Хилтон».

— Судя по их реакции, наша позиция расшатывается, — произнёс кандидат. — Ещё прошлой зимой все эти парни считали за честь быть моими друзьями.

— А стоило только сказать, что их доходы — не самое главное, как дружба врозь, — подал голос Арчи.

— Вся штука в том, что почти каждый из них уже успел запустить когти в пирог военного бюджета, — пояснил Манчестер. — Концерн Голсуорси, например, прибрал к рукам контракты на производство магния и редких металлов. Да и банк Гаррисона по уши увяз в финансировании военных проектов. Все они там заодно! — в сердцах добавил он.

— Босс, у меня свидание, — спохватился Арчи, когда лимузин подкатил к «Хилтону». — Если вы не против, встретимся за завтраком.

— Ради бога, — улыбнулся Манчестер. — Дамы — прежде всего.

— Мать моей дамы — член национального женского комитета. Можно считать, что я иду по делу.

О'Коннел купил в киоске свежий номер «Чикаго сан таймс» и принялся вместе с Манчестером изучать первую по-

лосу. Около минуты они молча читали обведённую жирной рамкой заметку, потом изумлённо переглянулись.

— Беда, Оби, — сказал наконец кандидат.

— Хуже, — отозвался О'Коннел. — Это наша погибель.

Заметка гласила: «Москва, 12 августа, Ассошиэйтед Пресс. «Правда» высоко оценила позицию Манчестера в ракетном вопросе. Советская газета назвала министра финансов США «сторонником мира» и «противником правящей милитаристской верхушки Соединённых Штатов».

— Да... это объятие мне сейчас совсем некстати, — проговорил Манчестер.

— Как только заметку увидит Карл Флейшер, ты сразу же превратишься в кандидата от коммунистов, — мрачно предрёк О'Коннел.

— Пять минут опоздания, — заметила Кей, спускаясь в вестибюль, где ждал Арчи. — А что ваш Манчестер? Уже дома?

— Наверное, спит, — ответил молодой человек. — Тяжёлый выдался день, да и завтра не легче будет. Куда пойдём, в «Памп-рум»?

Она покачала головой.

— Там сейчас добрая половина техасской делегации. Лучше найти местечко потише. Как насчёт «Западного Амбассадора»? Там есть уютный погребок.

В «уютном погребе» было не ахти как уютно. Запоздалые посетители группами сидели за столами, несколько подвыпивших республиканцев приветственно помахали руками, завидев Арчи. Метрдотель отыскал столик у стены рядом с баром и усадил молодых людей. На этот раз они говорили о политике. Кей высказала мнение своей матери о пресс-конференции и заявила, что Манчестер сплеховал, подняв вопрос о ракетах, а Арчи, в свою очередь, ни с того ни с сего рассказал спутнице о представлении, устроенном его боссом в клубе «Чикаго». «Проповедь» Манчестера не оставила его равнодушным, и теперь Арчи испытал чувство гордости от того, что работает вместе с таким человеком. Он был преис-

полнен решимости костями лечь, лишь бы Манчестер одержал верх.

— Прекрасная речь, — сказала Кей, выслушав пересказ Арчи, — Жаль, что её не довелось услышать маленьким людям вроде меня. Мы ведь ровным счётом ничего не понимаем в тех общих фразах, которыми сыплет пропаганда, а вот послушать Манчестера, и всё сразу станет ясно. По-моему, вы должны сделать всё, чтобы привлечь делегатов на его сторону.

— Уже поздно, — вздохнул Арчи. — Голосование в четверг.

После ужина Кей отказалась идти в другой ночной клуб и предложила прогуляться. Они перешли шоссе и зашагали по набережной Мичигана. Волны озера монотонно бились в бетонные пирсы, звёзды чуть потускнели и сместились к востоку, горизонт закрыла гряда тёмных облаков. Молодые люди рассказывали друг другу о своих родителях, делились мечтами, вспоминали детство. Наконец Кей остановилась и повернулась к Арчи.

— По-моему, вам пора уже меня поцеловать, — сказала она.

Он робко коснулся её плеч, обнял и поцеловал в тёплые губы. Послышался тихий металлический щелчок, и Кей, прижав ладонь к щеке, отстранила Арчи.

— Моя серёжка, — пробормотала она. — Помоги мне найти.

Смеясь и сталкиваясь в темноте плечами, они принялись шарить по асфальту. Наконец Арчи почувствовал под коленкой что-то твёрдое. Он радостно схватил серёжку и выпрямился.

Вскоре они пошли, взявшись за руки, назад, к городу. Когда Арчи довёл Кей до подъезда «Восточного Амбассадора», было три часа утра.

— Завтра вечером? — спросил он.

— Когда угодно, — согласилась она. — И не забывай за великими делами маленьких людей вроде меня, ладно?

Марк Дэвидсон оглядел себя в зеркале, поправил галстук и сел в кресло под торшером. Едва он достал из чемоданчика бумаги и пробежал их глазами, как послышался тихий стук.

— Ты как всегда точен, Гас, — сказал Дэвидсон, впуская гостя. Было 3 часа 47 минут утра.

— Никаких рукопожатий, Марк, — заявил тот, видя протянутую руку. — Я человек слова.

Они были почти ровесниками и оба занимали высокие посты. Дэвидсон, президент «Юнивесл фордж», зарабатывал сто тысяч в год. Мэгуайр получал шестьдесят тысяч в виде зарплаты от профсоюза ракетостроителей и по своему усмотрению распоряжался кассой и пенсионным фондом организации. Как-то раз ему довелось крепко повздорить с Дэвидсоном после двадцатисеминедельной забастовки сотрудников фирмы «Юнифордж», требовавших повышения зарплаты. Дэвидсон был вынужден пойти на уступки из страха потерять выгодные контракты, и не закрыл предприятия. Однако профсоюз не устраивали размеры надбавки, которую выплатила фирма, и Мэгуайр, объявив Дэвидсона сквалыгой, поклялся не подавать ему руки до тех пор, пока не истечёт срок трудового договора. Слово своё он держал.

Они уселись друг против друга и принялись потягивать сок, глядя на мирно спавший за окнами Чикаго. Наконец Дэвидсон расправил листки, которые держал в руках, и сказал:

— Гас, судя по пресс-конференции, Манчестер зарится на наш хлеб с маслом.

— Точнее, на мой хлеб и твоё масло, Марк.

— Если честно, то я не на шутку струхнул, — продолжал Дэвидсон. — Никак не ожидал услышать от Чарли что-либо подобное. А ты?

— Тоже. Ещё недавно я склонялся на его сторону. Но Чарли — человек президента и, может быть, гроза идёт из Белого дома.

— Ничего не понимаю, — посетовал Дэвидсон. — Не могу поверить, что Стюарт готов заморозить строительство баллистических средств доставки. Будь так, он не заключил бы контракт на «Дафну».

— Здесь нет никакой тайны, Марк, — пожав плечами, заметил Мэгуайр. — Мне лично кажется, что Манчестер — один из тех правдолюбов, у которых что на уме, то и на языке. Такие люди могут быть опасны.

— Опасны — это верно, — Дэвидсон ткнул пальцем в газету. — Вон, коммунисты уже превозносят его до небес!

— И это выйдет ему боком на съезде.

— Как бы нам повернее раздуть дело с той заметкой?

— Пожары вроде этого разгораятся сами по себе, — ответил Мэгуайр.

— Надо только раструбить об этом на случай, если кто-то ещё не в курсе.

— Взгляды Манчестера опасны не только из-за отношения к ним коммунистов, — задумчиво сказал Дэвидсон. — Этот человек может сломать всю структуру нашей обороны.

— И в особенности фирму «Юнифордж», — ядовито вставил Мэгуайр.

— Не без этого, — ответил президент фирмы, пытливо глядя на собеседника. — Меня заботят личные интересы. Как, впрочем, и тебя. Кто он такой, этот Чарлз Манчестер, чтобы ставить всё с ног на голову!

— Я тебя понимаю, — Мэгуайр улыбнулся. — Думаю, сейчас нет смысла касаться морального аспекта: для нас обоих это — пройденный этап. Манчестер может завести нас бог весть куда, его позиция сулит неизвестность. Вот почему я считаю, что он на сто процентов неправ, если учесть, что конвент на носу...

— Я уже обдумывал, что можно сделать, да и ты, верно, тоже ломал над этим голову?

— Разумеется. Но сперва говори ты.

— Манчестера надо побить. Ещё вчера это казалось гиблым делом, но теперь у нас есть шанс, если только мы не наляпаем ошибок. Причём от тебя зависит гораздо больше, чем от меня. Здесь тридцать три моих делегата, и все они проголосуют за Робертса, но этого мало, Марк. Самое большее, что я смогу наскрести — это полсотни голосов. На республиканском съезде пятьдесят делегатов — почти ничего, сам знаешь.

— Стало быть, вкалывать придётся мне?

Мэгуайр кивнул.

— Твоя правда, Гас, — согласился ракетный магнат. — От профсоюзов на республиканском съезде толку что от козла молока. Другое дело — большой бизнес. Бьюсь об заклад, что один только проект «Дафна» сулит деньги трём, если не четырём сотням делегатов. Так или иначе, но многие хотели погреть руки на этом!

— Прибавь сюда ещё держателей акций и банкиров, — напомнил Мэгуайр.

— Я уже думал об этом по дороге сюда, — сказал Дэвидсон, доставая из кармана конверт. — Вот данные об одном делегате от Нью-Джерси. Он симпатизирует Манчестеру, но это — его дело. До поры до времени. Я о другом. Этот парень — партнёр одной солидной адвокатской конторы. А главный её клиент — «Оглби и Сэмпсон», гигант электроники. Сейчас это предприятие занято производством одной детальки для инерционной системы наведения ракет. Фирма — наш поставщик. Что, если кто-нибудь из моих ребят попросит Джерри Сэмпсона поднажать на адвокатскую контору, где работает этот самый делегат?

— Именно так я и думал повести дело, — согласился Мэгуайр. — Разиня Манчестер даже и не поймёт, откуда обрушился удар.

— Есть тут одно «но»...

— Знаю: нам понадобится целая армия, если мы хотим успеть до четверга обработать по этой методе всех делегатов. Даже до среды... Надо нажать на эту компанию хотя бы за сутки до голосования.

— Возможно, удастся облегчить задачу, — произнёс Дэвидсон.

— Каким образом?

— Робертс звонил мне в Лос-Анджелес.

— Вот даже как. Чего он хотел?

— Сперва всё ходил вокруг да около, спрашивал, как я расцениваю высказывания Манчестера о ракетах. Потом прочёл мне своё заявление для прессы. Впечатляет...

— Да, я видел его в вечерней газете.

— Ну вот, а под конец он сказал, что если кто из друзей — а он, похоже, числит и меня среди них, о чём я до его звонка ни сном ни духом не ведал — захочет ему помочь, то у людей Робертса найдутся отличные досье на делегатов. «Доскональные», как он выразился.

Мэгуайр и бровью не повёл.

— Ни одна организация, ведущая кампанию, не обходится без картотеки с данными о выборщиках, — равнодушно сказал он. — От этих «досье» чаще всего никакого толку, там содержатся обычные сведения о месте жительства, коллегам по кампании и том, на чьей стороне был делегат при предварительном голосовании.

— И всё-таки, я думаю, не мешает взглянуть на эти материалы, — возразил Дэвидсон.

— Я постараюсь разнюхать, что там у них такое. Подождём до утра. Поговорю с заведующим отделом по связям с профсоюзами республиканской партии. После моего вчерашнего звонка он знает, на чьей я стороне.

— А пока проштудлируем список делегатов, — предложил Дэвидсон. — Глядишь, и своими силами что-нибудь нащупаем. Строго между нами, Гас: надо подёргать этих людей за верную ниточку.

— Согласен, — Мэгуайр встал и потянулся. — Начали.

— Номер первый: Генри Килгор, Коннектикут.

— Сроду не слыхал. Валяй дальше.

— Номер второй: миссис Эдвард Флаэрти...

— Стоп! Я знаю её мужа. Владелец агентства грузовых перевозок. Учился с ним в Колумбийском университете.

— У него есть трудности с кредитами?

— Должны быть. Он постоянно расширяет дело. Надо проверить.

Примерно каждый десятый делегат был знаком либо Мэгуайру, либо Дэвидсону. С одним из них, коммерсантом из Сент-Луиса Губертом Жерменом, Мэгуайр решил встретиться лично.

Уже было светло, когда капиталист и профсоюзный босс кончили работу над списком. В восемь утра Дэвидсон

прочёл вслух последнее имя на испещрённом пометками листке и отшвырнул карандаш.

— Тебя здесь не было, — сказал он. — Если будут спрашивать, я сделаю большие глаза. Ты сможешь найти меня в гостинице при мэрии. Позвони туда, как только выяснишь, что это за досье, которым хвалится Робертс, ладно?

— Идёт. Я, если понадобится, буду в Капитолии.

Дэвидсон приоткрыл дверь, оглядел коридор и, убедившись, что вокруг никого нет, выпустил Мэгуайра из номера. Тот мгновенно исчез в темноте холла.

Шапка в новоорлеанской «Глоб», в восемь колонок шириной, кричала: «Манчестер объявляет «Дафну» идиотизмом!». И чуть ниже — более мелким шрифтом: «Красные восхваляют Манчестера».

Кэлвин Бэррауфс просмотрел газеты, сел за письменный стол, вставил в мундштук из слоновой кости сигарету и, заправив в портативную пишущую машинку бумагу, принялся быстро барабанить по клавишам.

«Чикаго, тридцатый республиканский конвент: Манчестер немало удивил своих поклонников, выступив накануне с антимилитаристским заявлением. Если это не окажется для него нокаутирующим ударом бумеранга, то, во всяком случае, сослужит добрую службу противникам».

Бэррауфс закурил вторую сигарету, нахмурился, потом подошёл к телефону и, сверившись со списком, набрал номер отеля «Моррисон».

— Губернатора Пенсильвании Уилкокса, пожалуйста... Алло? Приветствую, губернатор! Это Кэл Бэррауфс... Уделите мне пару минут. Мне интересно ваше мнение по одному вопросу... Нет, это не для цитирования. Повлияет ли вчерашнее выступление министра на позицию делегатов конвента?

— Если строго между нами, — ответил Уилкокс, — то Чарли оказал партии медвежью услугу. Возможно, он и прав по большому счёту, но эта заметка в «Правде»... Вы её видели?

— Разумеется.

— Так вот, если его линия по душе коммунистам, значит, большинство делегатов встретит её в штыки. Чего ради он вообще поднял этот вопрос сейчас? Такие вещи — компетенция президента, и обсуждаться они должны в рамках специального послания к Конгрессу, да и то лишь после исчерпывающих консультаций с лидерами палат.

— Эта речь была для всех полной неожиданностью, не так ли?

— Разумеется. Интересно, что думает сейчас президент Стюарт? Эта история рождает серьёзные сомнения в Чарли Манчестере. Республиканский президент не имеет права увлекаться индивидуальной игрой, прежде всего он должен быть членом команды, как Эйзенхауэр или Стюарт.

— И что вытекает из сказанного? Я имею в виду ваш выбор.

— Кэл, мы оба реалисты. Я планировал придержать свои голоса для решающего тура, но в моей делегации слишком сильны симпатии к Манчестеру. Вчера, по крайней мере, было так.

— А теперь?

— Теперь, я думаю, мне лучше отсидеться. Возможно, что Пенсильвания выдвинет меня кандидатом.

— Ракетостроители уже давят на вас?

— Пока нет, но ведь ещё не вечер, Кэл.

Бэррауфс поблагодарил губернатора и снова сел за статью.

«Совершенно ясно, — печатал он, — что Манчестер поставил под вопрос свою победу, и теперь она может быть вырвана лишь ничтожным перевесом голосов. Положительная реакция «Правды» на выступление министра вызовет недовольство некоторых делегаций. Губернатор Уилкоккс, например, уже решил занять на первых турах выжидательную позицию, чтобы выставить собственную кандидатуру, если ни один из соперников не сможет одержать верх. Дело не в личной выгоде, на которую надеется Уилкоккс. Многие республиканцы, солидарные с Манчестером в вопросе о вооружениях, считают, что министр поднял его раньше времени. Среди профессиональных политиков неверный выбор момента счи-

тается смертным грехом. Если политический деятель допускает такие промахи, доверять ему, по мнению Белого дома, не следует».

Дописав абзац, Бэррауфс снова подошёл к телефону и заказал междугородный разговор. На этот раз он звонил в Калифорнию.

— Уэс? Привет, это Бэррауфс. Я в Чикаго. Потому и звоню. Ты, верно, читал отчёты о вчерашней пресс-конференции Манчестера?

— Ещё бы, Кэл! — ответил голос на другом конце линии. — Я и по телевизору смотрел.

— Вот уж не думал, что отставные генералы так интересуются партийными делами, — пошутил Бэррауфс. — Помнится, ещё будучи начальником штаба ВВС, ты не раз говорил мне, что тебе нет никакого дела до политики.

— Ну, теперь-то я в отставке и могу иметь собственное мнение.

Бэррауфс хихикнул.

— И то правда. Стоит тебе хоть раз выступить перед публикой...

— Нет уж, уволь! Тебе ли не знать, на каких условиях я согласился войти в совет директоров «Юнифордж»! Я потребовал, чтобы меня избавили от необходимости произносить речи, что и было обещано. Пока что Дэвидсон своё слово держит.

— Ну, раз так, стало быть, и я не буду втягивать тебя в эту муть. Но мне всё же хотелось бы узнать твоё мнение о вчерашнем. Правду ли сказал Манчестер, и насколько сильны его доводы? В ракетах я полный профан, сам знаешь. А ты — авторитет, особенно если дело касается «Дафны». Ответь мне, прав министр или нет. Он сказал, что «Дафна» представляет лишь слегка модифицированную разновидность уже существующего оружия.

— Думаю, Чарли недалёк от истины, — нехотя ответил генерал. — Наша штучка летает чуть выше остальных, но ничего принципиально нового она в себе не несёт.

— Стало быть, Манчестер прав?

— Боюсь, что да, Кэл.

— А как насчёт реакции Москвы?

— Что ж... меня помнится, тоже однажды похвалили. Видишь ли, если вести политику с единственной целью: непременно насолить русским, то рано или поздно запутаешься. Нет, Манчестер прав, как бы странно ни звучали эти слова в устах бывшего военного. Если мы не остановимся, вся наша экономика попросту заикнется на вооружении, а тогда уж поздно будет исправлять дело.

— Допустим, что контракт «Дафна» будет расторгнут. Создаст ли это сколь-нибудь существенную брешь в нашей системе обороны лёг, скажем, через пять?

— Нет, — не раздумывая, ответил генерал. — Это наступательное оружие, и никакой брешы в обороне не образуется.

— А как это отразится на делах фирмы, в которой ты работаешь?

— Слушай, Кэл, «Юнифордж» — гигантское предприятие. У нас целая куча контрактов. Даже если мы не получим дохода от «Дафны», нет никаких оснований опасаться за судьбу пакета акций.

— Что говорят в дирекции?

— Наша фирма не ввязывается в политику. Сегодня, правда, выходной, но мне никто не звонил. Думаю, Дэвидсон и остальные держатся тех же взглядов, что и я.

— Дай-то бог! Известишь, если до тебя дойдут какие-нибудь слухи?

— Конечно, о чём разговор!

Бэррауфс вернулся к своей пишущей машинке.

«Сказанное выше подводят нас к ещё одному важному вопросу: случайным ли было упоминание Манчестера о «Дафне» или же он с самого начала стремился сделать из проекта пункт своей программы? Многие видят за этим расчётливый ход министра, но прожжённые политики полагают, что имела место случайность. В любом случае неумудрённый политическим опытом министр поднял переполох, который отразится на самых чувствительных сторонах жизни страны — проблеме занятости, прибылях, банковской системе, школах, местных налогах. Под угрозой может быть постав-

лено даже само экономическое существование ряда крупных и мелких городов. В течение последних тридцати лет военно-промышленный комплекс кормил миллионы людей, а тысячам обеспечивал огромные доходы, и вот теперь Манчестер нацелил свой клинок в самое его сердце.

И всё же страна должна быть благодарна министру финансов за то, что он наконец-то поднял жизненно важный вопрос. Проблема контроля военного бюджета никогда ещё не стояла перед нами так остро, как сегодня. Страна требует гласности, и открытое обсуждение происходящего просто необходимо. Народ имеет полное право знать мнение своих кандидатов в президенты.

Мгновенная реакция Москвы на слова Манчестера не имеет пропагандистской основы, а отражает истинную позицию русских. Общеизвестно, что Россия не меньше нас страдает от тяжкого гнёта военных расходов, население её встревожено гонкой вооружений, а правительство выступает с призывами сохранить мир.

Итак, исход чикагского конвента предсказать трудно. Спокойствие партии нарушено, и теперь уже никто не знает, чем всё кончится. Следует ожидать сильного давления на делегатов со стороны военно-промышленного комплекса и укрепления в связи с этим позиций Брайана Робертса».

Бэррауфс просмотрел готовую статью, затем спустился в цокольный этаж отеля и вошёл в занавешенную кабинку, стоявшую посреди превращённого в пресс-центр выставочного зала. Здесь он передал материал художавому парню в рубаше с короткими рукавами, сидевшему за столом, заваленным бумагами.

— Новости есть? — спросил издатель.

— Прошёл слух, что сюда, возможно, прилетел Марк Дэвидсон, президент «Юнифордж», — ответил сотрудник. — Проверяем.

В этот миг застрекотал телетайп, и оба журналиста склонились над машинкой.

«Подкомиссия по вопросам обороны собралась сегодня в 14.00 на экстренное заседание, — гласил текст. — Этот шаг был вызван заявлением министра финансов Чарльза Манче-

стера о том, что проект «Дафна» представляет собой пустую трату бюджета».

Кэлвин Бэррауфс усмехнулся.

— Пожалуй, этот конвент не будет формальностью, — сказал он своему сотруднику. — Поживём — увидим.

— Наша позиция в подкомиссии однозначна, — сказал Карл Флейшер, теребя в руках дымчатые очки. — Мы со всем согласны и готовы подписаться под каждым словом резолюции. Верно?

— Так, — согласился Робертс.

Роджер Аббот пригладил жалкие остатки волос на обширной лысине.

— Я-то думал, члены подкомиссии не рискнут обсуждать этот вопрос, — проговорил он.

— Заранее всё было ясно, — подал голос Флейшер. — Это единственная комиссия, где мы могли твёрдо рассчитывать на поддержку, и не ошиблись. Однако можно приобрести себе капитал и на другом. Надо обыграть русскую статью.

— Каким образом? — спросил Робертс.

— Я тут набросал рекламный листок, — сказал Флейшер. — Надо, чтобы наши ребята подложили по одному экземпляру под дверь каждому делегату. Вот послушайте-ка: «Почему коммунистам угоден Манчестер? Не прошло и нескольких часов после сенсационной пресс-конференции министра финансов, как русские уже объявили его героем. Прежде, чем отдать свой голос человеку, способному разрушить всю нашу оборонную мощь, прочтите, что о нём говорят коммунисты». Дальше мы просто впечатаем выдержки из сообщения ТАСС. Подписывать не будем: это необязательно.

Робертс покачал головой.

— Нет, Карл, — сказал он, — относительно статьи в «Правде» мы не пророним ни единого слова.

— Почему, чёрт возьми?

— Топорная работа. Все прекрасно знают, что позиция Манчестера начисто лишена прокоммунистической подоплёки. Твой рекламный листок — «клевета на честного амери-

канца». Так о нас будут думать. Я на это никогда не пойду. Возможно, Манчестер всё же обойдёт нас. Я не желаю, чтобы республиканский кандидат щеголял перед своей нацией с красным ярлыком. Надо искать другие пути. Даже заикаться об этом не смейте.

— Я не могу выступать с чужого голоса, Оби, — заявил Манчестер. — Речь идёт не о политике, а о моей чести.

Помощники министра финансов уже выработали тактику и решили, что Арчи дю Пейдж обнародует краткое заявление под своим именем. В заявлении будет сказано об отказе Манчестера комментировать русскую статью. Теперь они обсуждали чисто формальные действия, и спор шёл уже битый час.

— Послушай, Чарли, — устало возразил О'Коннел. — Ты сам видел, как мы в подкомиссии по вопросам обороны из кожи вон лезли, лишь бы изменить негативное впечатление после твоего предложения пересмотреть военный бюджет. Мы проиграли. Если теперь обратишься к политической комиссии в её полном составе, кончится тем же. Начнёшь вызывать к съезду — вообще пиши пропало.

— Грош мне цена, если отступлю.

— Сейчас необходимо свести потери к минимуму, — сказал Оби. — Будешь стоять на своём — толку не добьёшься.

— Я готов вынести этот вопрос на суд съезда.

— Поверьте, господин министр, — подал голос Льюис Коэн. — Никому и в голову не придёт изменять пункт партийной программы, связанный с обороной. Я согласен с Оби: мы бессильны что-либо предпринять самостоятельно.

За несколько часов до этого разговора пятнадцать членов приняли резолюцию, в которой говорилось о необходимости развивать все виды вооружений. Заявление Манчестера было оставлено без внимания, и резолюция прошла в неизменном виде девятью голосами против шести. Льюис Коэн присутствовал на заседании, но убедить никого не смог. Радио и телевидение уже разносят весть о «поражении» Манчестера по одному из пунктов партийной программы.

— Да как вы не поймёте, что тут дело принципа, — настаивал Манчестер, простирая руки к своим помощникам. — Надо, чёрт возьми, изменить текст программы.

— Чарли, поверь мне, — повысил голос О'Коннел. — Делегатам нужен победитель. Если на съезде возникнет стычка, в которой заведомо невозможно одержать верх, ищут новых кандидатов.

— Оби прав, — согласился Козн. — Такова психология голосующих.

— А ты что думаешь, Арчи?

— Не знаю, босс...

— Да что там! — взорвался О'Коннел. — Вот лишь один пример: вчера ты откровенничал с финансовыми воротилами, когда говорил о системах оружия. Сегодня эти твои слова у всех на устах.

— Что? Но мы ведь договаривались с «пятитысячника-ми», что всё останется в стенах их клуба!

— Значит, кто-то проболтался. Богачи любят посплетничать. Как бы там ни было, но тебя уже объявили самоуверенным хлыщом!

— Господи, Оби! Совсем недавно они клялись в своей преданности!

— Знаю, знаю. Однако смотри, что из этого вышло. Теперь держи ухо востро.

Арчи дю Пейдж внезапно вскочил.

— Извините, я на минутку!

Он бросился в отведённый ему кабинет, схватил телефонную трубку и лихорадочно набрал номер.

— Кей, это ты?

— Ах, Арчи! Я уже в постели, читаю книжку про любовь. Тебе нравится любовь?

— Сейчас не до того. Слушай, Кей, ты пересказывала кому-нибудь наш вчерашний разговор?

— Да, — замявшись, ответила она, — матери. Речь Манчестера в твоём изложении была просто восхитительна, и я хотела, чтобы мама тоже разобралась, что к чему.

— Господи, Кей! Здесь идёт драка, а не студенческий семинар. Твоя мать на стороне Робертса, я — за Манчестера. Они же дерутся между собой за место в Белом доме!

— Арчи...

— Что Арчи? Что Арчи? Твоя матушка разболтала всем о том, что говорил Манчестер.

— Разве он покривил душой?

— Не в душе дело. Теперь конкуренты стремятся извратить смысл его речи. Я тебя умоляю, Кей: ни слова больше. Если я говорю с тобой доверительно, значит, всё должно оставаться между нами.

— Хорошо, Арчи, обещаю. Увидимся сегодня?

— Не могу: дел куча. Вот что, приходи-ка завтра к нам. Один взгляд на тебя, и я готов буду ринуться в битву!

— Я у тебя вроде устройства для подзарядки аккумулятора, да? Ладно, приду. Спокойной ночи.

Арчи вернулся к своим и вкратце рассказал о допущенной промашке. Кандидат ответил ему тёплой улыбкой, и Арчи подумал, что отношение к чужим ошибкам служит истинным мерилom масштаба личности. Министр финансов крайне редко направлял свой гнев на сплывавших сотрудников. Возможно, он слишком верил в свою способность исправить любой чужой промах.

Оби О'Коннелл был куда менее великодушен.

— Боже мой, — закудахтал он, — вот к чему ведёт стремление набить себе цену болтовнёй о политике! Довериться дочери Грейс Оркотт! Ох...

— Мы, кажется, преувеличиваем, — успокоил его Манчестер. — Вряд ли случившееся серьёзно повредит нам, разве что укрепит неприязнь ко мне тех делегатов, которые и без того настроены враждебно. Покончим с этим раз и навсегда.

Они поспорили ещё с четверть часа, подготовили текст заявления, в котором говорилось о согласии Манчестера с резолюцией комиссии и о том, что он оставляет за собой право её свободной интерпретации. Наконец все разбрелись по номерам гостиницы, а Арчи отправился в типографию.

Запасшись тремя сотнями копий, он вошёл в пресс-центр. Один листок приколот к доске объявлений, после чего

обошёл все занавешенные кабинки, вручая по экземпляру дежурным операторам или, если дежурных не было, оставляя в пишущих машинках.

Кэлвин Бэррауфс болтал со своим помощником, когда на пороге кабинки появился Арчи и вручил ему одну из копий.

Бэррауфс внимательно прочёл текст.

— Значит, ваш босс умывает руки? — спросил он.

— С чего вы взяли? Заявление пронизано духом борьбы. Мы не отступаем ни на пядь.

— Но и не рискуете вынести вопрос на всеобщее обсуждение.

— Это не обязательно, — возразил Арчи. — Пункт правилыйный, если взглянуть на него нашими глазами.

— Сегодня днём вы, ребята, утверждали обратное и пытались внести поправки в программу партии. Правда, ничего не вышло...

— С тех пор много воды утекло, мистер Бэррауфс, — сказал Арчи. — А что говорят о позиции министра?

— Что он смелый человек, — ответил издатель, стряхнув пепел прямо на пол. — И эта смелость может стоять ему победы на выборах.

— Вы серьёзно?

— Более чем серьёзно. За делегатами уже охотятся Дэвидсон из «Юнифордж» и Гас Мэгуайр. Мы выяснили, что они оба в Чикаго и работают на Робертса. К завтрашнему вечеру в промывание делегатских мозгов включатся все военные промышленники.

— Даже не верится...

— Дай мне бог ошибиться. И всё же не стоит недооценивать их силу, когда затронут самый чувствительный нерв — бумажник.

— А что думаете лично вы, Бэррауфс? Вы согласны с моим шефом?

— Я много размышлял об этом, — колебавшись, ответил издатель, — и пришёл к выводу, что да, согласен. Можете передать министру, что, по крайней мере, одного газетчика он заставил пошевелить мозгами. Когда-то мы должны

будем провести черту под военным бюджетом. К сожалению, Манчестер, по-моему, слишком спешит с этим.

— Однако вы согласились с ним. Что же мешает другим?

— Деньги. До четверга делегаты никак не успеют всё хорошенько взвесить. Сейчас они способны только реагировать на состояние своего кошелька, но не осознавать всего значения проблемы.

Оби О'Коннел сидел на высоком табурете за стойкой бара и кипел от злости. Чего ради мотался он по стране? Чего ради накрутил семьдесят пять тысяч миль? Единственный прокол на пресс-конференции, и вот уже все его труды, надежды, планы под угрозой провала. А тут ещё это заявление! О'Коннел невольно поёжился. Беда Манчестера — в его проклятой самоуверенности. С такими людьми всегда трудно разговаривать. Ничего им не втолкуешь! Оби в сердцах брякнул на стойку пустой стакан и заказал вторую порцию дайкири со льдом.

— Убери-ка свой толстый зад, Оби, он занимает два стула.

Грузный блондин с шелковистыми волосами оттолкнул ногу О'Коннела и уселся рядом с ним. На соседнем табурете устроился ещё один посетитель, костлявый коротышка со слуховым аппаратом за ухом.

— А, Монти... — пробормотал О'Коннел. — Что слышно в Миннесоте? Э, да ты, я вижу, и банкира своего приволок! Привет, Скелет.

Монткольм Андерсен был одним из влиятельных членов миннесотской делегации и проходил по спискам Оби в графе «возможный голос», поскольку симпатизировал Манчестеру. Его спутник Уилфред Крамер, по прозвищу Скелет, делегатом не был, но в партии его хорошо знали как платного функционера. Он слыл докой по части добывания средств в случае каких-то непредвиденных расходов и уже оказал существенную помощь нескольким кандидатам. Часть добываемых им денег прилипала к рукам самого Крамера, и все об этом знали, но никто не роптал, поскольку человеку его способностей полагался кусок пирога. В борьбе между Робертсом и Манчестером Крамер соблюдал нейтралитет, однако О'Коннел нередко советовался с ним. Скелет был прекрасно осведомлён во всех вопросах, но никто точно не знал, из каких источников он черпает свою информацию.

— В Миннесоте-то много чего слышно, — ответил Монти. — Твой подопечный огорчил наших парней, всех до единого.

— «Огорчил» — не то слово, Оби, — добавил Скелет, придвигаясь поближе и поправляя свой слуховой аппарат.

— Чем? — простодушно спросил О'Коннел.

— Перестань, Оби, — махнул рукой Крамер. — Речь идёт о ракетах, неужели непонятно?

— Ну, и в чём же не прав мой кандидат? Он высказывает свои взгляды. У нас свободная страна. Или, может, ему так и ходить всю неделю, воды в рот набравши?

— Стоило ему вчера промолчать, его бы выдвинули без разговоров, — возразил Андерсен. — А теперь кто знает, как оно повернётся?

— Хватит, Монти, у нас в запасе триста голосов. Никаких проблем.

— Ты так думаешь? А вот послушай, что я тебе скажу, — проговорил Крамер и понизил голос до шёпота — великое искусство для человека, пользующегося слуховым аппаратом. — Я только что беседовал с одним делегатом из Колорадо. Ему звонил из дома банкир и просил голосовать за Робертса. «С чего бы вдруг?» — подумал делегат, а потом вспомнил, что самый крупный из заводов в его городе — субпорядчик «Юнифорддж». Так-то вот!

— Ну и что? — с наигранной убеждённости запротестовал О'Коннел. — Мало ли кто кому звонит. Не понимаю, какое это имеет значение.

— Мэгуайр и Дэвидсон тоже хлопочут за Робертса.

— На нашей стороне рыбка покрупнее.

— Вернее сказать, была на вашей стороне. А теперь — тью-тью, уплыла, — поправил Крамер. — Особенно после выступления Манчестера перед «пятитысячниками».

— Взгляни правде в лицо, Оби, — призвал Андерсен. — Твой кандидат в беде. Прав он или нет — дела не меняет. На сцену уже выступили коммунисты.

На этот последний довод у О'Коннела уже давно был готовый ответ.

— Если коммунисты осыпают цветами Манчестера, значит, им по сердцу Робертс. Разве не так? Да и вообще, ребята, неужели вы принимаете за чистую монету всю эту болтовню о ракетах? Мой кандидат — умный стратег, и его цель состоит в том, чтобы оживить конвент, взвинтить темп. Сейчас здесь всё кипит, а ему только этого и надо...

— Значит, говорит он одно, а думает другое? — недоверчиво спросил Крамер.

— Всё это — съездовский трёп. Проникнув в Белый дом, Чарли прикажет досконально изучить «Дафну», выпустит пухлый отчёт с массой доказательств необходимости этих ракет и даст проекту зелёную улицу.

— Что-то непохоже на Чарлза Бедфорда Манчестера, — насмешливо произнёс Андерсен.

Взяв игру на себя, Оби почувствовал облегчение. Уж теперь-то он сумеет потушить пожар. Если дело идёт из рук вон плохо, руководитель избирательной кампании обязан ис-

править положение, чего бы это ни стоило. И не беда, если вдруг что-то не понравится Чарли.

— Я ещё раз повторяю: всё, что говорит Манчестер, — часть продуманной комбинации. Льюис Коэн не дурак.

— Давай начистоту, Оби, — потребовал Андерсен. — Ты утверждаешь, что, став президентом, Чарли и не подумает хоронить «Дафну», так?

— Именно.

— Это можно цитировать от имени Манчестера?

— Не будь ребёнком, Монти. Ты же знаешь, что нельзя. Зато можешь цитировать меня: я якобы сказал, что Манчестер якобы сказал, что... И так далее. Никаких официальных заявлений, Монти. Только в частном порядке, ясно?

— Ты и Манчестер — не одно и то же, — заметил Крамер.

— Чёрт возьми, Скелет! Ладно, можешь говорить всем, что я своими ушами слышал, как Чарли обещал дать добро на «Дафну».

— Он знает, что ты распускаешь этот слух? — спросил Монти.

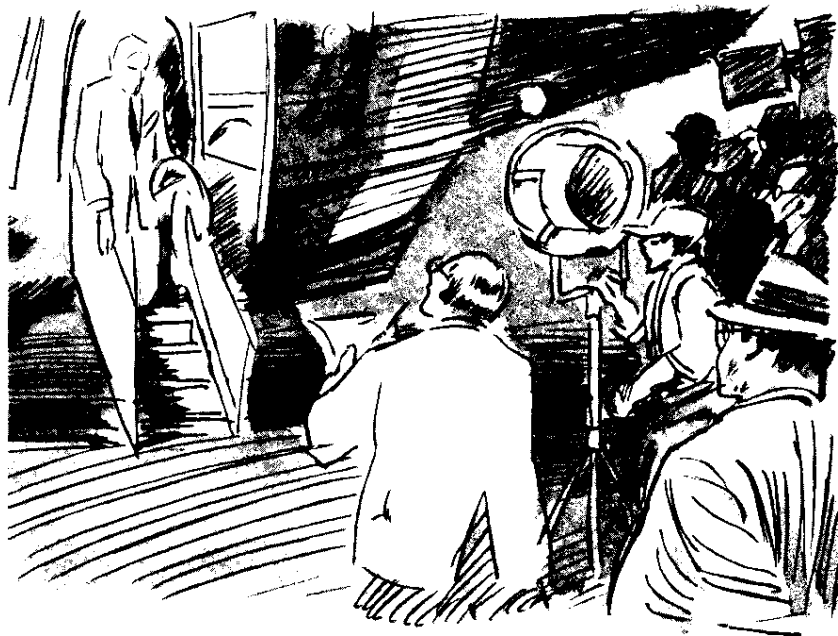
— Да, — решительно сказал О'Коннел, сжигая мосты.

— Должен признать, что это умный ход, — проговорил Крамер. — Он принесёт вам голоса сторонников мира, а также почти всех женщин-делегатов. Но и риск велик.

— А это уж моя забота, — отмахнулся Оби. — Дело в надёжных руках, не волнуйся.

Простившись с Монти и Скелетом, О'Коннел пропустил рюмочку на дорожку и с лёгким сердцем зашагал в гостиницу.

«Чарли ничего не знает, — думал он. — Значит, мои действия никак не обернутся ему во вред. Чёрт возьми, могу я взять на себя ответственность или нет? Когда, наконец, мне дадут играть по своим правилам?»

Вертолёт, словно цапля с перебитым крылом, опустился на южный газон. Поток воздуха от огромного винта рвал листья с магнолий, гнул стебли цветов и розовые кусты. Мотор ревел и скрежетал. Агенты секретной службы, полицейские Белого дома и газетчики стояли поодаль и выступили вперёд лишь после того, как утихомирился маленький ревущий вихрь. Ровно в девять тридцать утра дверца тёмно-зелёного вертолёта морской пехоты США распахнулась, и на короткий трап шагнул Фредерик Стюарт, возвратившийся из своей загородной резиденции Кэмп-Дэвид.

Президент осторожно спустился на землю. Стюарту исполнилось шестьдесят шесть, но выглядел он, по крайней мере, десятью годами старше: мучившие его недуги потушили блеск глаз, иссушили тело.

Аккредитованные при Белом доме журналисты почтительно окружили старика. Всё лето между ними действовал джентльменский уговор: газетчики не докучали президенту в Кэмп-Дэвиде, за что он каждый понедельник уделял им пять минут.

— Доброе утро, господин президент. Как погода в горах?

— Чудная. Солнце...

— Что вы думаете о происходящем в Чикаго, сэр?

— Похоже, намечается весёлый спектакль, — с улыбкой ответил Стюарт. — Во всяком случае, Белый дом и пальцем не шевельнёт, чтобы повлиять на исход республиканского конвента.

— Однако два месяца назад сенатор Флоберг заявил о вашей симпатии к Манчестеру, и вы не опровергли его слов.

— Это так, — подтвердил президент, уже усталый, не смотря на ранний час. — Чарли Манчестер — член кабинета министров. Будь я делегатом, мой голос принадлежал бы ему, однако это вовсе не попытка диктовать съезду свою волю.

— Вы одобряете намерение Манчестера заморозить ракетные контракты, сэр?

— Честно говоря, я не совсем понимаю, о чём идёт речь. Я ведь загорал на солнышке и с Чикаго не связывался. Надеюсь, Чарли скоро позвонит мне и объяснит, что у него на уме.

— Вас удивило его выступление?

— Да, такой концовки пресс-конференции я не ожидал.

— Благодарим вас, господин президент!

Очутившись в Овальном кабинете, Стюарт с облегчением опустился в кресло и пригласил секретаршу.

— Сьюзи, найдите мне, пожалуйста, Грэма и сварите кофейку.

Грэм Реддиг, специальный консультант Белого дома и личный представитель президента на съезде республиканской партии, нашёлся через две минуты.

— В чём там у вас дело, Грэм? — спросил его президент.

— Если в двух словах, сэр, то Манчестер устроил тут переполох. Люди Робертса распустили слух, будто Чарли вас надул. Естественно, всех интересует ваша реакция.

— Чарли уже давно планировал поднять эту проблему, — сказал президент. — Я раздражён лишь тем, что он не посоветовался со мной, не предупредил. Даже в субботу утром

— ни слова. Мы обсуждали сельскохозяйственную программу, а об обороне он вообще помалкивал.

— Ребята из «Юнифордж» начали обработку делегатов, — сообщил Реддиг. — И профсоюзные функционеры Мэгуайра тоже.

— Мне казалось, что Гас за Манчестера.

— Был до вчерашнего дня. А теперь он и Дэвидсон не жалеют сил, чтобы выгнать Робертса.

— Не нравится мне это, — со вздохом сказал президент. — И в особенности позиция профсоюза. Мне стоило огромных усилий заставить Мэгуайра отвернуться от демократов на прошлых выборах, а теперь Чарли ставит под угрозу всё наше дело. Если его выдвинут кандидатом в президенты, в ноябре Мэгуайр покинет нас. Перебежит к демократам и глазом не моргнёт.

— Вы, конечно, уже осведомлены о реакции Москвы, сэр?

— Да. Как это восприняли в Чикаго?

— Разумеется, многие делегаты теперь отвернулись от Манчестера, хотя кое-кто уже начал задумываться, какова истинная цель русских.

— Сама идея благословения коммунистами республиканского кандидата тревожит меня, — сказал Стюарт. — Этого не случилось бы, промолчи Чарли о ракетах.

— У вас будут какие-нибудь указания, сэр? — спросил Реддиг.

— Нет, просто держите меня в курсе, — президент положил трубку.

Когда пять минут спустя секретарша принесла кофе, старик мирно дремал в своём кресле. Приоткрыв глаза, он вопросительно посмотрел на Сьюзи.

— Манчестер звонил?

Она покачала головой, и президент со вздохом потянулся к кипе бумаг на углу стола.

На двери, обитой листом дюрала, чёрной жирной краской было выведено: «Вход воспрещён». К ней поднималась шаткая лестница, бравшая начало у покрытой толстым слоем

уличной гари входной двери. Фасадом дом смотрел на Кларк-стрит и размещался между комиссионной лавкой и сомнительным кабаре под названием «Тропический остров».

Грейс Оркотт на цыпочках поднялась по истёртым ступеням, и в нос ей ударил запах кислого пива, смешанный с запахом дешёвой дезинфекции. Грейс оглянулась на сопровождавших её троих мужчин. Один из них нажал кнопку звонка, и запретная дверь тут же отворилась. За порогом стоял низкорослый суетливый мужчина с копной рыжих волос.

— Входите, входите, — пригласил он. — Вас четверо? Хорошо: все в сборе. Меня зовут Арт Сегунда, — бодренько представился рыжий, вводя гостей в на удивление чистый кабинет. — Я здешний руководитель и лучший друг Оскара. Сейчас я вам его покажу. Начнём прямо с этого.

— А кто он такой? — спросила Грейс Оркотт.

— Оскар — не кто, а что. Однако первым делом хочу вас предупредить: наша контора засекречена. Занимаемся мы

тем же, чем испокон веку занимались все кандидаты — слежкой за делегатами. Точнее, сбором сведений о них. Вся разница в том, что вместо картотеки у нас Оскар.

Роджер Аббот кивнул лысой головой и широким взмахом руки указал на собравшихся.

— Всё останется между нами, Арт, — пообещал он. — Давай, показывай, что у тебя там.

Сегунда провёл гостей в соседнюю комнату, где стояла машина, возле которой сутился молодой человек в футболке.

— Знакомьтесь, это мистер Уаймер, выпускник Калифорнийского технологического и мой студент. А вот Оскар! Мистер Уаймер помогает мне общаться с ним. Оскар — лучший в мире портативный компьютер, хранящий в своей памяти нужную нам информацию и выдающий её в режиме семьдесят строк печатного текста в минуту.

— Очень интересно, — проговорил один из гостей. — Только зачем он нужен тут, на съезде?

— Зачем? А вот зачем. Какие сведения содержатся в обычной картотеке? Что собой представляет эта картотека? Коробку из-под башмаков, набитую бумажками. А на бумажках написано, как зовут делегатов, где они работают, кому симпатизируют, больше ничего. Оскар же знает о каждом выборщике буквально всё: адрес, вероисповедание, семейное положение, работа, банковский счёт, лучшие друзья, вкусы и симпатии, мнение о кандидатах, взгляды на жизнь. Вот, например, в пятницу мистер Аббот просил выяснить, сколько делегатов имеют доход менее десяти тысяч в год. Мы ответили ему мгновенно: триста семьдесят шесть человек. Обычный показатель для республиканского съезда. Зачем, кстати, вам были нужны эти сведения?

— Для выработки налоговой программы, — быстро ответил Аббот.

— Могли бы обойтись и без машины, — произнёс кто-то из гостей.

— Допускаю, — согласился Сегунда. — Но вот вчера нам подкинули задачку потруднее: сколько делегатов представляют районы, где размещены заводы «Юнифордж» и

другие ракетостроительные предприятия? Через час ответ был готов.

— А где вы взяли входные данные? — спросил кто-то.

— Ума не приложу. Наверное, фирма предоставила. Карл Флейшер прислал их с одним из своих парней. Интересно другое: как только мы выдали имена всех делегатов из этих районов, Карл запросил на них дополнительные сведения — место работы, счёт в банке, друзья и так далее. Видимо, это нужно, чтобы подъехать к делегатам, но сие меня уже не касается. Я всего лишь смотритель при Оскаре.

Грейс Оркотт сделала шаг вперёд и внимательно оглядела компьютер.

— Покажите его в деле, — попросила она. — Но только вопросы должны быть такими, чтобы я могла проверить ответы.

— Пожалуйста, — согласился Сегунда. — Ваше имя?

— Грейс Оркотт, из Техаса.

— Стойте, стойте! — вмешался Аббот. — Арт, оставь эту затею. Часть сведений, хранящихся в памяти машины, имеет конфиденциальный характер и не подлежит использованию...

— Ничего страшного, — возразил Сегунда, которому не терпелось похвастаться способностями своего электронного питомца. — Мы просто затребуем распечатку, а читать не будем. Подарим миссис Оркотт на память.

Через несколько секунд послышалось стрекотание печатающего устройства, и Сегунда вручил Грейс карточку. Та пробежала её глазами и запихнула в сумочку.

— Всё точно, — сказала она. — И досконально.

Роджер Аббот предложил расходиться поодиночке, чтобы не привлекать внимания. Вернувшись в отель, Грейс усеялась в баре и стала поджидать дочь. Она рассеянно вытащила из сумки листок и поднесла его к глазам. На карточке было напечатано:

«Оркотт, Грейс: Лаймен-бульвар, 8365, Даллас. Замужем.

Годовой доход — 38.000 долларов, сбережения — 15.000 долларов, займы — 4.300 долларов.

Муж — генеральный подрядчик.

Дети: 1. Кэтрин, род. 29 февр. 1948.

2. Джордж-младший, род. 4 мая 1950, ум. 8 мая 1950».

— Не нравится мне это, — пробормотала потрясённая Грейс. — Ох, как не нравится. Надо будет поговорить с Флейшером. При первой же возможности. Тут пахнет гнусностью...

Оби О'Коннел и Карл Флейшер нетерпеливо и бесцельно кружили по фойе отеля «Моррисон». Оба ждали конца закрытого заседания делегации Уилкокса и встретились близ фонтанчика с питьевой водой. Когда стало известно, что Пенсильвания намерена выдвинуть в кандидаты своего губернатора и держать голоса до последнего момента, Флейшер проглотил одну из своих известных всем газетчикам пилюль, оглядел сквозь не менее знаменитые дымчатые очки пухлое потное лицо О'Коннела и с улыбкой сказал:

— Не везёт нам, Оби. Ну да всех к себе не перетянешь, верно?

О'Коннел ответил лишь равнодушным взглядом, мысленно послав по адресу губернатора Пенсильвании крепкое словцо.

— Мы ничего не потеряли, — неуверенно проговорил он. — В четверг Пенсильвания будет с нами, ты отлично знаешь этих самоуверенных парней, убеждённых, что именно они выводят в короли простых смертных.

Флейшер приблизил губы к уху О'Коннела и зашептал:

— Оби, правда ли, что Манчестер не собирается прикрывать «Дафну»? Ходят такие слухи...

— Чарли этого не говорил, — ответил Оби, чувствуя, что его план начал работать. — Мало ли чего болтают на съезде?

Флейшер увлёк своего противника подальше в угол.

— Слушай, Оби, давай заключим сделку, а? Ты знаешь, что от Миссисипи приехало две делегации. Одна — за твоего

парня, вторая — за Робертса. У штата тринадцать голосов, которые висят в воздухе, потому что мандатная комиссия никак не может решить, какую из делегаций регистрировать. Назревает всеобщее обсуждение. Обе делегации поливают друг дружку грязью, намекают на полученные взятки, посулы и прочее. В мандатной комиссии покатываются со смеху, глядя на их перепалку, но решить ничего не могут.

— Что ты задумал? — спросил О'Коннел.

— Давай поделим Миссисипи.

— Каким образом? Голосования по фракциям не бывает, Карл.

— Если вопрос вынесут в зал, ты проиграл, Оби.

— А почему не ты?

— Давай посмотрим правде в глаза. Твоё поражение обернётся ощутимым ударом. Моё — так, царапина.

О'Коннел ещё вчера знал, что его противник прав: Робертс споро шёл в гору, и Оби уже сам начинал подумывать о сделке, однако колебался, зная, что, если калифорнийцы заговорят первыми, ему будет легче торговаться.

— Ладно, — согласился он. — Бери пятерых.

— Издеваешься? Будь умницей, Оби: твой спасательный пояс теряет воздух, как шарик со свистулькой.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы пятерых взял ты, — деловито ответил Флейшер. — А мы подберём оставшуюся восьмёрку. И запомни: если этот вопрос вылезет на всеобщее обсуждение, ты потеряешь все тринадцать голосов. Этот удар станет первым шагом к поражению.

— Я не согласен, — сказал Оби, не двигаясь с места.

— Слушай, — зашептал Флейшер, — хочешь одну вещь по секрету? Бин уже снял вас с крючка, и вы теперь у нас в долгу. Мы готовили рекламный листок, который поднял бы вас на воздух, но не пустили его в ход. Робертс запретил.

— Это говорит лишь о том, что он не одобряет твоих грязных трюков, — спокойно сказал О'Коннел.

— Не об этом речь. Подумай, что будет, если я шепну, кому надо, и эти листовки хлынут сюда дождём.

— Ты шантажист, Карл, — беззлобно проговорил Оби.
— Ну да ладно: шесть — вам, семь — нам. Это, конечно, чересчур великодушно с нашей стороны...

— Наоборот, Оби, семь — нам.

Принять такие условия было бы опасно психологически, и О'Коннел знал это. Но не принять — опасно вдвойне. На всеобщем обсуждении наверняка будет решено, что у сторонников Робертса больше оснований представлять штат, и это повлечёт огромный урон. Проигрыш в мандатной комиссии равносильна смерти.

— Ладно, — Оби протянул руку. — Будь по-твоему. Только пусть мне скостят налоги за то, что я занимаюсь благотворительностью.

— Давай позвоним председателю комиссии, — предложил Флейшер.

— Придётся. Видит бог, без моего подтверждения он не поверит, что тебе так пофартило.

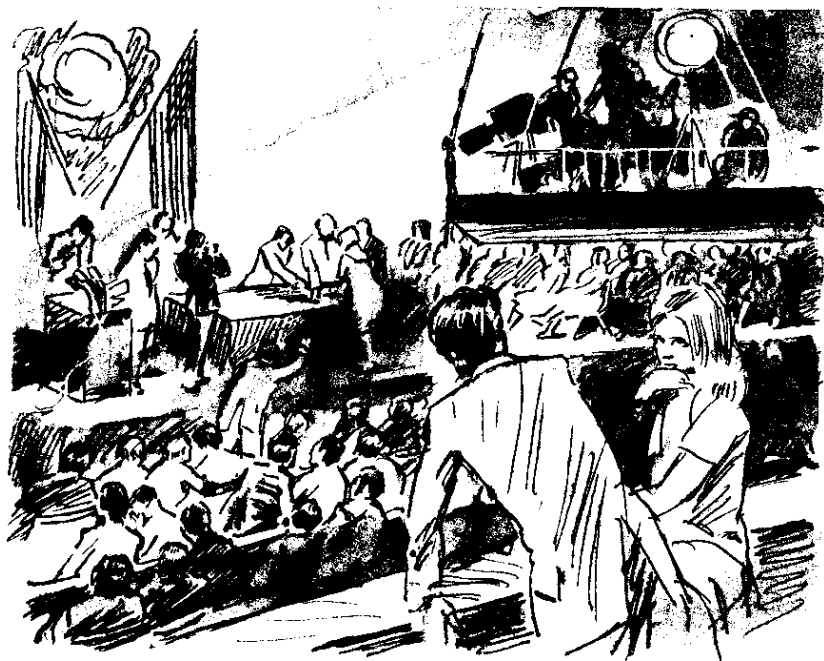
Через час ЮПИ сообщило, что места в делегации Миссисипи поделены и большинство досталось Робертсу. В заявлении агентства одновременно подчёркивалось, что министр финансов получил новый ощутимый удар в виде отказа делегации штата Пенсильвания поддержать его кандидатуру.

Зал «Мак-Кормик Плейс» был набит битком и продолжал поглощать всё новые порции прибывающих. Набережная оказалась на протяжении нескольких кварталов запружена автобусами и такси. В зале уже сидело или стояло около пятнадцати тысяч человек, а народ всё валил и валил.

Над секциями делегатов стлался табачный дым, поднимавшийся к креслам для зрителей. В проходах толпились зеваки. Над партером покачивалась огромная подвесная платформа с телекамерами и операторами, на полу, по обе стороны главного помоста, расположились газетчики.

Арчи дю Пейдж облокотился о перила, за которыми в ложе для почётных гостей сидела Кей.

— Привет, Арчи! Впечатляет, правда? — воскликнула она.

— Ничего тут сегодня не будет, кроме пустой болтовни,
— ответил он. — Давай встретимся после заседания.

Она кивнула, и агент по связям с прессой нырнул в толпу, расталкивая людей локтями. Он направлялся к группе из двух дюжин делегатов, с которыми, согласно указаниям О'Коннела, должен был встретиться сегодня вечером.

Роджер Аббот стоял возле знамён штата Массачусетс и спорил с одним из делегатов. Карл Флейшер сидел в кресле на помосте, изучая листок бумаги, а по другую сторону Оби О'Коннел шептал что-то в трубку телефона, который связывал его с десятком функционеров, работавших внизу, в зале.

В центральном проходе Гас Мэгуайр с повязкой официального курьера на рукаве свежееутюженного пиджака с серьёзным видом беседовал с каким-то мужчиной, сдвигаясь под нажимом толпы то в одну, то в другую сторону.

Ровно в восемь часов миллионы людей заняли места у телевизоров, по залу «Мак-Кормик Плейс» разнёсся громкий призыв очистить проходы, который, впрочем, не возымел ни-

какого действия, хотя его повторяли каждые полминуты. Люди продолжали сновать туда-сюда, гул голосов не стихал.

Джозеф Терьюн, председатель национального республиканского комитета, взобрался на трибуну. Седая грива волос и словно высеченное из камня лицо делали его похожим на капитана застигнутого бурей корабля. Стук председательского молотка тоже остался без внимания. Терьюн смирился и, решившись, заговорил речитативом в свой микрофон:

— Тридцатый республиканский конвент объявляется открытым. Партия Линкольна, Теодора Рузвельта, Эйзенхауэра и Стюарта собрались сегодня здесь, чтобы назвать имя следующего президента Соединённых Штатов!

Традиционное предсказание исхода ноябрьских выборов было встречено рёвом одобрения. О'Коннел и Флейшер, откинувшись на спинки кресел, обменивались усмешками, а процедура тем временем пошла своим чередом. Пропели национальный гимн, чикагский архиепископ сказал речь, с молитвой и прочими мелкими ритуалами было в интересах телезрителей покончено довольно быстро. Карл Флейшер встал и направился в буфет, где его облепили десятка три газетчиков, горевших нетерпением узнать подробности сделки с делегатами от Миссисипи.

В центре зала, возле канзасского знамени, Гас Мэгуайр присел на корточки рядом с Роджером Абботом, изучавшим какой-то список.

— Девять из каждого десятка — членов профсоюза у нас в кармане, — сказал он. — Я уже говорил со всеми и выяснил, что теперь Чарли им не по нутру.

— Как Дэвидсон? — зашептал Аббот, дёргая кадыком. — Акционеров тут куда больше, чем членов профсоюза.

— У него порядок. Два крупных банка уже поддают жару. Мы можем победить, Роджер.

— Да, если не будем спать до самого четверга — последнего дня конвента.

Джейк Манчестер снял ноги с журнального столика, встал и выключил телевизор. Пэтси тряхнула соломенными волосами.

— Зачем ты это сделал?

— Сегодня там больше ничего не будет. Как только по-иссякнет пыл этих великих ораторов, все разбредутся по гостиницам.

— У тебя неприятности, Джейк?

— С чего ты взяла?

— Ты не произнёс и двух десятков слов с тех пор, как вернулся домой.

— Мы же слушали ослиные крики этого типа Терьюна.

— Жаль, не дождались комментариев обозревателей: могли бы узнать, как дела у нашего старика. Он не слишком горячится, как ты считаешь?

— А чего ты ждала? Видишь, сколько людей не согласен с ним.

— И ты тоже?

— Я этого не говорил. Просто он не царь, чтобы издавать указы. Тут надо брать в расчёт всё: рабочие места, инвестиции, оборонный потенциал...

— Опять двадцать пять! Он же сказал, что у нас вполне достаточно бомб и ракет. Чего ты ещё хочешь?

— Его соперник Робертс в тысячу раз умнее, когда утверждает, что такие вопросы должны решаться в Вашингтоне, а не в римском цирке.

— Джейк! — Пэтси поставила свой стакан и отодвинулась в угол кушетки. — У нас ещё демократия. Всякий политический лидер обязан вслух высказывать свои мысли.

Манчестер-младший молча допил коктейль и принёс с кухни новый стакан.

— Да что стряслось, Джейк, скажи наконец! Дуган учинил тебе разнос?

Джеймс Дуган был заместителем управляющего Национальным коммерческим банком Брэдбери и ведал кадрами.

— Разнос? — переспросил Джейк. — Нет, хуже. Он пригласил меня к себе, угостил сигарой, а потом завёл речь об отце и его взглядах на проект «Дафна». Хотел узнать, что я об этом думаю.

— И что ты ему сказал?

— То же, что и тебе. А он заявил, что Брэдбери манипулирует акциями «Юнифордж» на сумму двести миллионов долларов.

— И всё?

— Нет. Завёл песню об ответственности банка перед вкладчиками, о необходимости следить за политикой и о том, что высоко ценит мои родственные отношения с ведущим кандидатом.

— Это мягко говоря, — вставила Пэтси.

— Попытался выяснить мои личные настроения. Деликатно, разумеется.

— А ты?

— А я сказал, что не обязан во всём соглашаться со стариком только потому, что он мой отец.

— Ты не хочешь, чтобы он стал президентом?

— Не в этом дело... — Джейк посмотрел на жену и, увидев, что собираются тучи, торопливо заговорил, словно надеясь убежать от грозы: — Видишь ли, Дуган спрашивал, не знаю ли я, часом, делегатов, которые...

— Которые что?

— Чёрт возьми, Пэтси!

— Которые могут переметнуться к Робертсу, так?

— Нет... Но если Дуган прав... Если заказы на ракеты так много значат для нашего банка...

— Словом, ты обещал позвонить своим знакомым делегатам.

— Ничего подобного! Я только сказал, что знаю лично всего одного делегата и не собираюсь ему звонить...

— Полагаю, речь шла о Джиме Стэделе, так?

— О нём. Но Дуган не просил меня звонить, не спрашивал фамилию делегата. Он просто посетовал, что отец слишком рано заговорил о сокращении военного бюджета...

— Джейк, я впервые в жизни слышу такую омерзительную историю, — возмутилась Пэтси. — Неужели ты не размахнулся и не двинул в нос своему Дугану?

— Да за что?

— Господи, Джейк, мы оба знаем, куда он гнул. В кого ты превращаешься? Твой босс практически предлагает тебе идти против родного отца, а ты... согласился!

— Это ложь!

— Это святая правда, а в какие слова она облечена, не имеет значения. Ты... ты!

— Что, по-твоему, я должен был сделать? Уйти с работы?

— А хоть бы и так!

— Ишь ты, какая смелая, пока сидишь на диване со стаканом коктейля в руке!

— Помолчи! Сам-то каков? Сколько ты в себя влил для храбрости, прежде чем решился рассказать мне всё это? И что за мужа мне бог послал...

— Да послушай же!

— Не смей орать! — взвилась Пэтси. — Иди, звони своему Стэделу. Скажи ему, пусть голосует за Роберта и конец света!

Плача, она вскочила и убежала в спальню. Джейк слышал, как хлопнула дверь и повернулся ключ.

Он часа два просидел на маленьком балконе, нависавшем прямо над водами залива. Сумерки превратились в ночь, с океана приполз туман, стало сыро и холодно. Джейк вернулся в комнату и поднял трубку жёлтого телефона.

— Соедините меня с Чикаго. Мне нужен мистер Джеймс Стэдел, делегат республиканской партии на конвен-те. Его можно найти в отеле, где остановилась делегация Массачусетса.

Выйдя из машины раньше Манчестера, Арчи увидел их первым. Он двинулся к группе, на ходу бросив через плечо:

— Не стоит вам болтаться тут, босс.

Вдоль фасада отеля расхаживало человек двадцать с транспарантами на груди. «Голосуйте за разоружение!», «К чертям “Дафну”!», «Сначала — Человечество, Робертс — потом!», «Не дадим распять род людской на ядерном кресте!» — было начертано на плакатах. Маленькие дети, мальчик и девочка, размахивали флагами США и ООН.

Манчестер вылез из машины, и тут же защёлкали камеры двух фотографов, спешивших запечатлеть выражение невольной растерянности на лице кандидата.

— Быстрее! — прошипел Арчи, прикрывая Манчестера собой и проталкиваясь к подъезду. На ходу он едва заметно кивнул полицейскому, и тот со знанием дела оттеснил манифестантов от входа.

— Боже мой, откуда взялась эта толпа? — пробормотал Манчестер в лифте.

— Надо было входить через заднюю дверь, — сказал Арчи. — Эти самодеятельные пацифисты только вредят своими воплями.

Они молча вошли в номер. Утро вторника не принесло ничего хорошего, а до голосования оставалось меньше сорока восьми часов. Манчестер сорвал пиджак, швырнул его в кресло и, красный от ярости, принялся мерить шагами комнату.

— Босс, через две минуты придут делегаты от Пенсильвании, — напомнил Арчи, и Манчестер занял позицию у двери, готовый приветствовать входящих. Гости не заставили себя ждать. Пожимая им руки, кандидат с удовольствием отметил, что помнит имя и фамилию почти каждого.

— Доброе утро, миссис Поттер, — проговорил он, заведя профессора филадельфийского колледжа, пожилую негритянку, с которой прежде встречался лишь однажды. Элен Поттер горячо пожала руку кандидата.

— Стойте на своём, господин министр, — бросила она, проходя в номер. — Ваша правота несомненна.

Наконец Манчестер с горем пополам разместил делегатов. Арчи уныло отметил про себя, что дополнительных стульев почти не понадобилось: из 128 членов делегации штата пришло всего 45. Губернатор Уилкокс, как и ожидалось, не явился. Делегация провозгласила его возможным кандидатом от Пенсильвании, и теперь, чтобы встретиться с ним, надо было самому ехать в отель «Моррисон». Однако правая рука Уилкокса, спикер конгресса штата Джозеф Рорбо, на встречу пришёл. Когда Манчестер выступил на середину комнаты, Рорбо сделал равнодушное лицо и уставился на кандидата пустыми глазами.

Министр финансов оглядел гостей и заговорил о том же, о чём и раньше, смутно надеясь, хотя бы на сей раз, добиться понимания.

— Ни для кого из вас не секрет, — начал он, — что мои взгляды на проблему боеголовок и баллистических ракет повергли в смятение кое-кого из делегатов конвента. Поэтому я не стану утомлять вас повторением сказанного. Объясню лишь некоторые моменты. Я не подвергаю и не собираюсь подвергать риску систему обороны страны.

Если меня выдвинут в кандидаты, а затем изберут в президенты, военные контракты будут заключаться более обдуманно. А теперь поговорим конкретно о «Юнифордж». Если мы расторгнем контракт на наступательные, подчёркиваю, наступательные ракеты «Дафна», эта фирма, конечно же, понесёт некоторые убытки. Однако разорение ей всё равно не грозит. Я всё время пытаюсь объяснить, что нет смысла

накапливать те вооружения, которых и без того достаточно в нашем арсенале. Сожалею, что в субботу не сумел растолковать это газетчикам. Надеюсь, теперь неясности исчезли. У вас есть вопросы, господа?

— Мистер Манчестер, — произнёс какой-то грузный делегат, — Дэвидсон из «Юнифордж» утверждает, что «Дафна» долетает до цели чуть быстрее любой другой ракеты. Это меняет дело, вы не находите?

Манчестер слегка покраснел.

— Нет, знаете ли, не нахожу. Какая, в сущности, разница? Через минуту-другую последует ответный удар.

— Господин министр, — проговорил Рорбо. — Я хочу задать вам один деликатный вопрос. Даже, возможно, бестактный. Коль скоро тут нет газетчиков, вы, надеюсь, не обидитесь.

— Слушаю вас.

— Поговаривают, — многозначительно сказал Рорбо, — будто в частных беседах вы утверждаете, что не намерены: сдерживать производство ракет, в том числе и типа «Дафна». Будто бы все ваши официальные заявления имеют целью лишь оживить чикагский съезд, взбудоражить делегатов и помочь вам собрать голоса сторонников мира.

— Ложь! — восклицание Манчестера прозвучало как выстрел. — Намеренная ложь. Вы всё-таки обидели меня, сэр!

— Я верю вам, господин министр, — несколько смешавшись, произнёс Рорбо. — Просто хотелось услышать это из первых уст.

— Кто наговорил вам такой чепухи? — не унимался Манчестер.

— Я узнал, что слух, будто бы, распускает ваш главный помощник...

— Не верю. Мистер О'Коннел — честнейший человек!

— В таком случае вам лучше выступить со специальным заявлением, — вкрадчиво предложил спикер. — Многие делегаты убеждены, что в частном порядке вы опровергаете то, что говорите на людях. О вас уже пошла слава двурушника.

— Что?! — гаркнул кандидат.

— Поостыньте, — предостерёг его Рорбо. — Не я выбрал это слово. Я всего лишь передаю вам, что говорят другие. Я хочу вам помочь.

Манчестер ответил на это лишь гневным взглядом. В неловком молчании делегаты потянулись к дверям и стали выходить.

Элен Поттер чуть задержалась. На добром чернокожем лице женщины было такое выражение, будто оскорбили не кандидата, а её лично.

— Не виню вас за вспышку, господин министр, — сказала Элен. — Спикер вёл себя возмутительно. Не падайте духом. Вы и так уже оказали стране громадную услугу.

Манчестер сердечно пожал ей руку и промолчал. Дверь закрылась.

— Где Оби? — спросил кандидат.

— Не знаю, — ответил Арчи.

— Найди его. Немедленно. Переверни вверх дном весь Чикаго!

Зазвонил телефон, и Манчестер, всё ещё дрожа от гнева, схватил трубку.

— Чарли? — услышал он вялый бесцветный голос.

— Да, господин президент. Спасибо, что позвонили. Как здоровье?

— По-старому... У вас найдётся немного времени?

— Для вас — сколько угодно, сэр.

— Чарли, откровенно говоря, мне не по душе то, что я слышу о ваших высказываниях в Чикаго. Признаться, я надеялся, что вы лично позвоните и всё растолкуете...

— Господин президент, — тщательно взвешивая слова, ответил Манчестер. — Я не думал, что звонок окажется уместным. Я же пока кандидат...

— Хорошо, объясните мне, что там с ракетами. В газетных отчётах наверняка масса неточностей.

— Это верно, насколько я знаю. По сути дела, объяснять-то нечего, сэр. Я уже сделал заявление и придерживаюсь его, хотя тут поползли грязные сплетни, будто это предвыборный трюк.

— Чарли, — произнёс голос из Белого дома. — Вы мне не нравитесь. Вы понимаете, что бросили вызов администрации, членом которой сами же и состоите? Насколько я помню, окончательно решение по «Дафне» было принято после исчерпывающего обсуждения.

— Да, сэр. Однако, как вы помните, мы тогда разошлись во взглядах, — ответил Манчестер. — Разумеется, когда решение приняли, мне оставалось лишь смириться.

— А теперь вашему смирению, похоже, пришёл конец, да? — министр уловил в тоне президента презрительные нотки. — Поверьте, Чарли, я не ставлю под вопрос вашу честность и не отказываю вам в праве не соглашаться со мной. Но сомневаюсь в вашем политическом благоразумии. Съезд республиканской партии — не место для решения таких проблем. Вы вносите в партийные ряды раскол как раз тогда, когда нам крайне необходимо единство, чтобы на должном уровне провести избирательную кампанию.

— Надо же было когда-то начать, Фред, — возразил министр.

— В первую очередь этот вопрос следовало обсудить с лидерами палат, — стоял на своём Стюарт. — Во вторую — со мной. Чарли, вы пренебрегаете командной игрой.

— Жаль, что вы смотрите на проблему только под таким углом, господин президент.

— Я тут взял на себя смелость набросать короткое заявление от вашего имени, Чарли. Можно прочесть его вам?

— Разумеется, сэр.

— Слушайте. «В случае моего выдвижения в кандидаты и избрания на пост президента я намерен создать авторитетную комиссию научных экспертов с целью исследования всего круга вопросов, касающихся вооружений. Через несколько месяцев комиссия обязана будет представить нам подробный отчёт. До получения заключения экспертов мои собственные взгляды никак не отразятся на действиях возглавляемой мною администрации». Всё, Чарли.

«Значит, опуститься до компромисса?» — подумал Манчестер. Он помолчал, выигрывая время.

— Господин президент... я готов подписаться под заявлением, если мы добавим последнюю фразу.

— То есть? — в голосе Стюарта мелькнула враждебность.

— Ну, к примеру, так: «Основная мысль, которой должна руководствоваться комиссия экспертов, такова: есть ли смысл тратить огромные деньги и ресурсы нации на создание систем, которые фактически дублируют уже имеющееся наступательное оружие?».

— Но это же совсем другое дело, — мгновенно откликнулся президент. — Вы пытаетесь подвести под своё мнение бетонный фундамент, а от вас требуется вовсе не то. В интересах партии вы должны придерживаться это мнение при себе.

— Для меня это неприемлемо, господин президент. Мы должны сделать мои взгляды пунктом программы на случай, если демократы затеют спор по существу.

— Больше всего на свете боюсь именно этого, — воскликнул Стюарт, и Манчестер понял, что президент едва владеет собой. — Ваши взгляды требуют... беспристрастной научной проверки.

— Напротив, сэр. Я считаю, что этот вопрос не имеет отношения к науке. Решать его должен народ.

— Я вижу, мы разошлись на все сто восемьдесят градусов, Чарли, — подвёл черту Стюарт.

— Боюсь, что так, господин президент. Однако это лишь один вопрос. По сотне других между нами полное согласие.

— Расхождения между нами не имеют ничего общего с личными чувствами, Чарли, — произнёс президент ничего не значащую ритуальную фразу. — Я глубоко уважаю вас.

— Взаимно, сэр.

— Всего этого шума надо было избежать, — устало и как-то отчуждённо сказал Стюарт, — стоило вам только поговорить со мной на эту тему до отлёта в Чикаго. Ну да ладно. Удачи, Чарли...

— Всего доброго, сэр.

Повесив трубку, президент тут же вызвал пресс-секретаря.

— Марти, у меня есть кое-что для журналистов, — сказал он. — Передайте им, что Белый дом не поддерживает ни Манчестера, ни Робертса. Пусть делегаты голосуют за кого им выгодней.

Манчестер смотрел в окно, когда в номер вошёл Арчи и протянул ему жёлтый листок телетайпной бумаги. Сообщение ЮПИ гласило:

«Стюарт топит Манчестера. Сегодня днём президент отказался от неофициальной поддержки министра финансов и призвал делегатов к «свободному волеизъявлению». Это заявление фактически обозначает поддержку губернатора Робертса и вносит растерянность в ряды сторонников Манчестера».

Дю Пейдж устало провёл пальцами по своим чёрным выющимся волосам.

— Плохо дело, босс, — сказал он.

— Иного я и не ожидал. Стюарт не так давно звонил сюда и требовал, чтобы я отступил. Я отказался.

— Значит, будем драться без союзников, — с деланной бодростью проговорил Арчи. — И победим. Это нам по силам.

— Конечно, по силам. Только сначала мне нужен Оби.

— Он уже в лифте.

— Хорошо, Арчи. Я хотел бы поговорить с ним наедине, ладно?

Оби О'Коннел указал на жёлтый телетайпный бланк и печально произнёс:

— Это серьёзный удар, Чарли.

Манчестер уселся на диван. Увидев, как помощник массирует свою круглую физиономию, кандидат впервые почувствовал, что устал.

— Сейчас речь о другом, Оби.

— Интересно, что может быть более важным именно сейчас?

— Оби, сегодня утром спикер конгресса Пенсильвании назвал меня двурушником и сказал, будто ты распускаешь слухи о том, что я-де говорю одно, а собираюсь действовать иначе.

— С чего он это взял? — пряча глаза, спросил О'Коннел.

— Оби, ты говорил что-либо подобное?

— Послушай, Чарли, — О'Коннел подался вперёд, — твоя пресс-конференция поставила кампанию под угрозу. К воскресному вечеру мы потеряли поддержку части делегатов, а положение всё ухудшается...

— Оби, мне нужен откровенный ответ.

О'Коннел заёрзал в огромном кресле.

— Да, говорил. Как-то с языка сорвалось, Чарли. В воскресенье я пропустил пару стаканчиков... Но ведь я только пытался открыть ответный огонь. Там, в баре, мне показалось, что это хорошая мысль. Руководитель твоей избирательной кампании должен делать всё от него зависящее. Но с тех пор я больше ничего такого не говорил. Извини, Чарли.

— Кто были твои собеседники?

— Крамер и Андерсен из Миннесоты.

— Мы должны позвать их сюда вместе с Рорбо и всё объяснить.

— Нет уж, Чарли, позволь уладить вопрос по-своему. Я не смогу оправдываться, как ученик перед учителем, да ещё при старых приятелях.

— Сделаем так, как я сказал, — настаивал Манчестер. — Относительно моих взглядов ни у кого не должно быть ни малейших сомнений. Я согласен объясняться сам, но непременно в твоём присутствии.

— Чарли, ты поступаешь, как любитель. Люди вроде Андерсена и Скелета тебя не поймут. Я не за себя волнуюсь, за тебя.

— Под сомнением — моя честность, — отчеканил Манчестер, чувствуя, как им снова овладевает гнев.

— Честность! Ты кандидат, Чарли, и твои дела плохи. Нашёл время разглагольствовать о честности!

Манчестер вскочил.

— Поскольку ты руководитель кампании по моему движению, то должен чётко придерживаться моей линии.

— Руководитель? Какой я, к чёрту, руководитель! Так, мальчик на побегушках вроде Арчи. Человек на моей должности обязан действительно вести кампанию, иметь оперативный простор, а я... Возьми, к примеру, историю с делегатами Миссисипи. От неё тебя тоже, небось, воротит?

— Нет, я отдаю тебе должное. Ты сделал всё, что мог.

— И на том спасибо, — проворчал О'Коннел. — А за воскресенье извини.

— Хорошо, Оби, но давай внесём в дело ясность, пока слухи не поползли дальше.

— Давай. Только не так, как это задумал ты. Пора доверить мне штурвал, Чарли. Хотя боюсь, что уже поздно...

— Не думаю.

— Просто не хочешь признаться себе в этом. Ты потерял президента, проиграл в подкомиссии, от тебя отвернулась Пенсильвания. За три дня ты умудрился «похудеть» на сотню голосов. Меня вынудили пойти на заведомо проигранную сделку, поделив голоса Миссисипи, потому что наша лодка течёт и наверняка пойдёт ко дну, если не подоспеют спасатели...

— Значит, ты отказываешься пригласить сюда Крамера и остальных?

— Господи, Чарли, да если бы помощники Линкольна слушали его команды, он ни за что не стал бы президентом. То же касается Вильсона, Рузвельта и Эйзенхауэра. Робертс и его парни играют без правил, а ты даже не даёшь мне развернуться! Если так и дальше пойдёт, я умываю руки.

— Хочешь всё бросить?

— Дай мне свободу действий. В противном случае...

— Ты уволен, Оби!

О'Коннел вскочил и ошарашенно уставился на кандидата. Он хотел было что-то сказать, но вместо этого лишь вяло развёл руками и повернулся к двери.

— Чарли, — проговорил он с порога, — ты повредишь себе, если сообщишь о моей отставке. Лучше скажи, что у меня инфаркт и я в больнице.

Манчестер сделал несколько шагов в сторону старого друга.

— Оби!

— Нет, — отмахнулся О'Коннел. — Без послесловий, пожалуйста!

Дверь за ним закрылась.

Когда Арчи вошёл в номер, кандидат понуро сидел в кресле и был похож на туриста, заблудившегося в чужом городе.

— Оби сказал, что вышел из игры, это правда? — спросил Арчи.

Манчестер кивнул.

— Он прав: лучше промолчать об отставке. Скажем, что Оби заболел и лежит в клинике под чужим именем, хотя не думаю, чтобы газетчики проглотили это, — с сомнением сказал Арчи. — Кто же теперь будет руководителем кампании?

— Ты, — произнёс Манчестер так, словно констатировал давно известный факт.

— Я? — не веря своим ушам, воскликнул молодой человек. — Босс, я же полный профан. Это первый конвент в моей жизни!

— Научишься, — Манчестер устало улыбнулся. — Нам обоим предстоит осваивать эту премудрость. И многие другие впридачу. Я тебе доверяю. Это сейчас главное. В тонкости тебя посвятит Льюис Коэн и функционеры.

У Арчи было такое ощущение, словно он стоит среди обломков рухнувшего дома, растерянно гадая, где и как искать материал для ремонта. Никогда ещё не чувствовал он себя таким беспомощным.

— Ну, не волнуйся, — успокоил его кандидат. — У нас почти двое суток в запасе. Будем бороться.

— И ляжем костями на поле брани? — с грустной усмешкой спросил Арчи. — Вы ещё не знаете, что сенатор Флоберг тоже бросил вас, а газеты на все голоса вопят об отречении президента.

Манчестер изменился в лице.

— Что у нас дальше по регламенту? — сухо просил он.

— До семи часов — ничего, — ответил Арчи. — Потом придут три делегации.

— Отмени встречи, Арчи. Я смертельно устал.

— Босс...

— Завтра, всё завтра, — министр вымучил улыбку. — Оставь меня одного. Я сейчас воображаю себя израненным рыцарем в своём замке. Поднимай мост через ров, Арчи.

Очутившись за своим заваленным бумагами столом, Арчи дю Пейдж немного посидел, размышляя о чём-то, затем снял телефонную трубку и позвонил в штат Нью-Гэмпшир, в маленький коттедж на берегу озера Уинни-песоки. Джулия Манчестер спокойно выслушала рассказ Арчи о неудачах последнего дня. Она только что вернулась с пляжа и держала трубку, обмотав руку полотенцем. Струйки воды стекали с её ног прямо на пол.

— Может быть, вы выберетесь сюда? — спросил Арчи. — Это было бы очень кстати.

— Хорошо, — чуть хриловато ответила Джулия. — Я буду у вас вечером, даже если придётся зафрахтовать целый самолёт.

Стройная блондинка с огромной эмблемой Робертса на груди протолкалась сквозь толпу газетчиков и приблизилась к Карлу Флейшеру.

— Вас просит к телефону Гас Мэгуайр, — шепнула она.

Чтобы добраться до своего номера, Флейшеру понадобилось пять минут. Наконец он очутился у себя и схватил трубку.

— Слушаю, Гас...

— Все мои тридцать три делегата решили голосовать за Робертса, — сообщил Мэгуайр. — Надо ли объявить об этом?

— Конечно, пусть вагонетка катится. Попроси кого-нибудь из делегатов разнести эту весточку: не стоит, чтобы она шла от нас.

— Хорошо, Карл.

Флейшер вздохнул, достал коробку с пилюлями и, выбрав капсулу, запил её виски со льдом и водой. Часы показывали одиннадцать ночи. Вскоре на вечернее совещание яви-

лись Роджер Аббот и компьютерный чародей Арт Сегунда. Аббот принёс очередную добрую весть: Гавайи решили отдать все восемь своих голосов Робертсу. Члены штаба сравнили свои записи, и получилось, что у губернатора уже есть примерно 420 верных голосов. Осторожный Флейшер предложил, правда, считать, что их всего четыреста. Для победы требовалось склонить на свою сторону ещё 225 делегатов.

— Надо заставить Марка Дэвидсона платить за пользование компьютером, — заявил Сегунда. — Часу не проходит без его звонков. Пора уже переименовать Оскара в Марка.

— Смотри не проболтайся, что Дэвидсон пользуется машиной! — всполошился Флейшер.

— Будь спокоен. Кроме преданных нам людей об Оскаре никто не знает.

Зазвонил телефон. Взяв трубку, Флейшер записал что-то в блокноте.

— Как-как? — переспросил он. — Колсак? Джон Колсак, Нью-Йорк. Понятно.

Флейшер вывел фамилию печатными буквами и передал листок Сегунде.

— Возвращайся быстро к себе, Арт, — сказал он. — Дэвидсону нужно всё, что у нас есть по Джону Колсаку, делегату от Нью-Йорка. Похоже, человек из Манхэттена. Приготовь ответ и позвони Марку. Он в мэрии.

— После полуночи моя ставка удваивается, час идёт за два, — весело напомнил Сегунда и убежал, тряся огненно-рыжей шевелюрой.

— Вы уладили вопрос с билетами для зрителей? — спросил Флейшер. Аббот кивнул.

— Завтра вечером их кончат печатать. Не стоит, чтобы эти бумажки видели раньше времени. В четверг распространяем.

За разговором помощники Робертса не заметили, как наступила среда. Девятый этаж не спал. В комнатах, где работали добровольцы, непрерывно трезвонили телефоны. На столах валялись бумажные стаканчики и обёртки от бутербродов. Раскрасневшиеся от возбуждения молоденькие секретарши сновали из номера в номер с бумагами в руках.

Коридор возле апартаментов губернатора Калифорнии был забит народом, пришедшим поглазеть на потенциального кандидата в президенты. Каждые пять минут он появлялся в дверях, выпроваживая очередного гостя, и тогда его встречал восторженный гул, в ответ на который Робертс всякий раз приветственно взмахивал огромной ручищей.

В фойе тоже было полно посетителей. Кое-кто из них уже начинал зевать. Ковёр пестрел окурками, спичками, обрывками газет и киноплёнки. Шесть журналистов рядом расположились вдоль стены. Один счастливчик раздобыл себе стул, остальные сидели прямо на полу. Все шестеро разом вскочили, когда раздвинулись створки центрального лифта и появилась новая гостья. Это была Грейс Оркотт. С её приходом сонная полуночная атмосфера фойе мигом посвежела. Репортёры тут же окружили женщину, а телекомментатор сунул ей под нос микрофон.

— Что привело вас сюда в такой ранний час, миссис Оркотт?

Она улыбнулась.

— Формальности. У меня рабочая встреча с губернатором Робертсом. Наконец-то он выкроил для меня немного времени.

— Вы согласны с мнением, что шансы Робертса с каждым часом растут?

— Дела губернатора идут очень хорошо, — ответила Грейс и, отведя ладонью микрофон, зашагала по коридору к номеру босса. У дверей женщина постояла немного в толпе посетителей и, когда губернатор появился на пороге, шагнула к нему. Робертс встретил её с восторгом.

— Наша Грэйс, как всегда, восхитительна! — воскликнул он.

Грейс Оркотт пробыла в номере губернатора почти полчаса. Когда она вышла от кандидата, на её лице светилась всё та же царственная улыбка. Репортёры ринулись вперёд, но Грейс отказалась комментировать итоги встречи. Она вошла в кабину лифта и села на низкую зачехлённую скамеечку. Теперь, наедине с собой, она больше не улыбалась. Только задумчиво покусывала нижнюю губу.

Лампы освещали пустые письменные столы, пол был усеян бумагами. Верхний угол большого плаката с портретом Манчестера оторвался и повис, как поникший в безветрие выпел. Телефон молчал.

Арчи дю Пейдж сидел в крутящемся кресле, задрав ноги на стол. Ему смертельно хотелось спать, но не было сил подняться и дотащить до своего номера.

Кей Оркотт вошла в штаб Манчестера и села на край большого стола. Она с любопытством неотрывно и чуть насмешливо смотрела на Арчи.

— Теперь понял, каково быть руководителем кампании?
— проговорила наконец она.

— Хорош руководитель! Только и может, что проигрывать!

— Всё не так уж и скверно, Арчи. Перед тобой — живой пример того, как симпатии склоняются на сторону Манчестера.

— Пример? Да, только вот жаль, что твои симпатии не принесут нам даже одного-единственного голоса.

— Мама тоже расстроена вашими неудачами, — сказала Кей. — Её начали одолевать сомнения.

— Сочувствую, — Арчи потянулся и зевнул.

— Сегодня она даже была у Робертса и говорила об Оскаре.

— Да? А кто этот Оскар?

— Оскар держит под колпаком всех делегатов.

— Один-одинёшенек? Молодчина! Это ж надо — следить за сотнями выборщиков! У нас этим занимаются пять или шесть девчонок.

— Оскар не человек, Арчи. Это компьютер.

— Что-что?

— Компьютер. Ты не ослышался. Люди Робертса запрятали его в одном доме на Кларк-стрит.

— Ты смеёшься, Кей?

— Чтоб мне провалиться, если вру! У них есть машина, которая хранит сведения о каждом делегате. Если хочешь

что-то узнать, нажимаешь кнопочку, и все дела. За компьютером смотрит какой-то рыжий тип по имени Арт Сегунда.

— Расскажи-ка всё толком! — сон с Арчи как рукой сняло.

Кей пересказала ему несколько своих разговоров с матерью. Грейс Оркотт поначалу была не на шутку заинтригована возможностями машины, но затем задумалась об этической стороне дела, а уж когда ей стало известно, что Оскаром втихую пользуется Дэвидсон из «Юнифордс», она испугалась, поняв, что машина в действительности нужна для того, чтобы шантажировать делегатов и таким образом перетаскивать их на сторону Робертса. Арчи слушал Кей с нарастающим волнением.

— Чего ж ты раньше-то молчала! — укоризненно воскликнул он.

— До маминой встречи с Робертсом я не понимала всей важности...

— Чего же хотела от губернатора миссис Оркотт?

— Она требовала, чтобы тот перестал пользоваться машиной. Мама была взбешена, когда Робертс уговаривал её держать язык за зубами.

— Где этот чёртов Оскар?

— Рядом, на Кларк-стрит. Мать говорит, там есть обшарпанная дверь рядом с баром «Тропический остров». Надо подняться на второй этаж. Я сама ничего не видела, но мама...

— Кей, ты лучший разведчик на всём белом свете! — вскричал Арчи и стиснул девушку в объятиях.

«Тропический остров» ходил ходуном. Гремел маленький оркестр, из окон валил табачный дым. Арчи быстро прошмыгнул мимо бара к соседней двери, покрытой шелушащейся серой краской, и попытался повернуть ручку. Та подавалась сразу же. В маленьком коридоре тлела покрытая пылью лампочка, скрипел под ногами линолеум. На лестничной площадке Арчи увидел покрытую железом дверь с табличкой «Вход воспрещён». Он постучал. Тишина. Арчи подождал

немного, потом заметил кнопку звонка и надавил на неё. Дверь чуть приоткрылась.

— Что вам угодно? — спросил рыжий коротышка, выглянувший в коридор.

— Мистер Сегунда?

— Что вам угодно? — повторил тот.

— Взглянуть на Оскара.

— Нашли время для визитов. Кто вы такой?

— Билл Энджел, делегат от Мэриленда.

— Кому взбрело в голову посылать вас сюда на ночь глядя? — довольно дружелюбно, но настороженно спросил Сегунда.

— Мне позвонил Марк Дэвидсон и попросил привезти распечатку на одного парня, — соврал Арчи, невольно похвалив себя за изворотливость и отругав за то, что не продумал план действий, пока ехал в такси.

— Подождите минуту, — сказал рыжий. — Я должен проверить.

Дверь закрылась, щёлкнул замок. Арчи постоял немного, раздумывая, как поступить. Ничего хорошего в голову не приходило. Наконец повернулся и выбежал на улицу.

Очутившись в своём номере, он бросился в кресло и принялся сосредоточенно размышлять. Рассказ Кей подтвердился. Что же делать? Сообщить газетчикам? Может быть, Кэлвину Бэррауфсу? Или сначала Манчестеру? Чёрт возьми, как же им не хватает Оби! Уж он-то сумел бы выжать из этого открытия всё до капли. Но что же предпринять?

Найти ответ на этот вопрос он не успел, потому что в комнату вошла маленькая, плотная и решительная Джулия Манчестер. Было три часа утра. Она только что прилетела бостонским рейсом.

Джулия подставила Арчи щеку для поцелуя и оглядела тесный кабинетик.

— Ну и хлев тут у вас, — сказала она. — Как Чарли?

— Он спит, миссис Манчестер.

— Джулия, если не трудно.

— Он спит, Джулия. По крайней мере, я так полагаю. Мы отменили пару важных встреч, но оно и к лучшему: ему нужен отдых.

— Судя по газетам, мы сели в калошу, — деловито проговорила Джулия.

— Пока ещё нет. Но если сегодня будет таким же, как вчера, непременно сядем.

— Расскажите мне всё, — потребовала она.

Арчи коротко ввёл её в курс последних событий.

— Да... плохи дела, — сказала Джулия, выслушав его. — Чарли крупно промахнулся: без Оби он как без рук.

— И я тоже, — уныло добавил Арчи, закрывая дверь за женой министра финансов.

В спальне Джулия, не зажигая света, разделась и забралась под одеяло. Она поцеловала Чарли в колючую щёку, и он медленно разомкнул веки.

— Привет... — сонно пробормотал он. — Ты здесь со спасательной командой от Красного креста?

— Как ты догадался? Мыслитель!

Он слабо улыбнулся и притянул её голову к своему плечу. Когда спустя минуту Джулия приподнялась и заглянула в лицо мужа, тот опять крепко спал, но теперь на его губах играла спокойная улыбка.

Стоя перед тридцатью пятью членами штаба Манчестера, Арчи робел и чувствовал неловкость. Вот уже четвёртую ночь кряду он почти не спал, но лишь теперь ощутил усталость по-настоящему. Чуть побаливало и горло: начиналась простуда.

Однако больше всего Арчи сковывали сомнения и неуверенность: почти каждый из сидящих сейчас в номере годился ему в отцы. Его команду составляли старые волки, прошедшие хорошую школу в низовых организациях республиканской партии. Всех этих людей тщательно отбирал ещё О'Коннел, и Арчи даже не представлял себе, как держать себя с ними. А между тем именно ему предстояло провести последнее перед конвентом заседание своего штаба, на котором

надо было обсудить наиважнейшие организационные вопросы.

— Все вы знаете, что я тут человек новый, — начал Арчи. — Внезапная болезнь Оби стала для нас тяжким ударом, поэтому я особенно надеюсь, что вы, джентльмены, поможете мне советом. Вряд ли, — поколебавшись, продолжал он, — есть смысл успокаивать себя, считая, будто за последние два дня ничего такого не случилось. Прошедшие двое суток принесли серьёзные неприятности. И всё же мы ещё можем помочь министру финансов победить Робертса, если станем бороться и работать не покладая рук до самой переключки штатов. Для начала позвольте представить вам королеву нашего турнира, миссис Джулию Манчестер.

Джулия уверенно выступила вперёд. На ней был строгий синий костюм. Седые пряди нависали надо лбом, загорелое лицо несло печать бодрого спокойствия.

— Единственное, что я знаю о политике, — начала она, — так это то, что однажды мой дед вышел из дома и вернулся мертвецки пьяным. Это произошло в тот день, когда женщины у нас получили право голоса.

Все захохотали, напряжённость встречи заметно ослабла, и Арчи сразу же почувствовал это.

— Буду откровенна, господа, — продолжала тем временем Джулия. — Я приехала сюда, чтобы в меру сил помочь моему мужу. Будь я миссис Робертс, помогала бы Бину. Я понимаю, чего ради Арчи решился представить меня вам: вы должны убедиться, что я имею всего одну голову на плечах, не пью по утрам и не пользуюсь оранжевой губной помадой. Мы с Чарли прожили вместе двадцать восемь лет, прожили счастливо в основном потому, что я всегда уступала ему в вопросах, не имеющих отношения к семейному бюджету, ведению хозяйства, одежде, воспитанию детей, фасону мебели и местам проведения отпусков...

Тут её голос потонул в звуках одобрения, и Джулия мгновенно взяла новый тон:

— Говоря серьёзно, господа, я полагаю, что мой муж поднял вопрос, глубоко волнующий каждого. Я, конечно, не

специалист, но уверена: если Чарлз Манчестер будет выдвинут кандидатом в президенты, народ поблагодарит вас за это.

Под звуки бурной овации Джулия повернулась и вышла из номера, сопровождаемая восхищёнными взглядами.

— Вот это профессионалка! — шепнул один из функционеров своему соседу.

— Арчи, — сказал кто-то, когда дверь закрылась, — если ты сегодня же не продемонстрируешь её делегатам съезда, то будешь последним дураком.

Наконец все занялись текущими делами. Обсудили тактику работы перед голосованием. Арчи назвал имена тех, кто вечером должен был выступить с поддержкой министра финансов. Губернатору Огайо решили дать пятнадцать минут для представления Манчестера делегатам съезда, ораторам, поддерживающим эту кандидатуру, по пять минут.

Один из устроителей кампании спросил, стоит ли принять особые меры предосторожности в отношении зрителей. Все десять тысяч мест в зале уже были заказаны и поделены между сторонниками Манчестера и Робертса, однако существовала опасность распространения фальшивых билетов. На это Арчи ответил, что Джо Терьюн, председатель национального комитета республиканской партии, уже обещал принять самые действенные меры. Терьюну верили, и ответ удовлетворял всех.

— Главная трудность состоит в том, что на нас оказывают давление ракетостроители, — произнёс один из выборщиков. — В моей делегации от них прямо спасу нет. Не представляю, как с этим бороться.

— Надо уличить их в попытках шантажировать делегатов и передать материалы прессе, — предложил кто-то.

— А для этого нам нужна информация хотя бы об одном верном случае, — согласился Арчи. — Таком случае, чтобы мы могли что-то доказать журналистам. У вас есть что-нибудь на примете?

— Да, — картаво заговорил рыжеусый здоровяк, делегат из Теннесси. — Вчера мне звонил мой банкир из Чаттануги и требовал голосовать за Робертса. «С чего бы?» — спросил я. «Да так тебе лучше будет», — отвечает, но я-то знаю, что у

этого парня есть акции военных заводов. Вот какие пироги! И не подкопаешься. Стоит заявить обо всём этом публично — притянет за поклёп. Только не на того напал: у меня против этого банкира фактов больше, чем блох у бродячего пса. Робертса тебе подавай? Ишь, чего захотел!

— А мне звонил сам Марк Дэвидсон из «Юнифордж», — заявил Губерт Жермен, глава делегации Миссури. — Начал с общих друзей, а потом будто невзначай предложил отдать голоса Робертсу. Просил «всё взвесить». Я занимаю пост директора по сбыту в фирме «Витрионикс». На сегодняшний день три четверти нашей продукции — детали, которые мы поставляем по контракту «Юнифордж». Разве непонятно, что я в зависимости у Дэвидсона. И всё же, несмотря на угрозу потерять контракты, остаюсь с Манчестером.

— Совершенно очевидно, что без доказательств мы не можем предать огласке слова мистера Жермена, — произнёс Арчи. — Позвольте также выразить восхищение вашей смелостью, сэр.

Остальным выступавшим тоже нашлось, что рассказать, но все эти истории не могли помочь в главном. Не было прямых улик. Собрание кончилось, функционеры разошлись, остались только делегаты от Теннесси и Миссури, которых Арчи решил, не откладывая, представить Манчестеру.

Они прошли прямо к кандидату и пересказали ему всё, о чём только что говорили дю Пейджу. Манчестер принуждённо расхохотался, но сразу оборвал смех, посерьёзнел и сказал:

— Господа, мне кажется, мы можем выпустить в свет эту информацию, не раскрывая её источников. Что, если подключить Кэла Бэррауфса, взяв с него клятву не называть имён? Бэррауфс имеет здесь огромный вес.

Арчи покачал головой.

— Это не годится, — проговорил он. — Газеты Бэррауфса выйдут из типографии только завтра утром, и неизвестно, сколько делегатов соизволят прочесть статью до голосования. Надо придумать нечто такое, что поможет нам вызвать взрыв негодования немедленно и в национальном масштабе.

— Правильно, но это невозможно, — возразил Манчестер.

Оставалось только позвонить Бэррауфсу. Это было единственное, что они могли сделать.

— Сахару? — спросила Пэтси, глядя на Джейка, как на протухшую под лучами солнца макрель.

— Когда это я клал в кофе сахар? — буркнул он. — Или ты так шутишь?

— Какие мы сегодня ядовитые. — Пэтси раздражённо встала и вышла на кухню. — А ты-таки позвонил своему Джиму Стэделу, не так ли? — крикнула она оттуда.

— Позвонил, — коротко бросил он.

Пэтси вернулась к столу.

— Всё-таки президент поступил низко, когда отрёкся от старика, — сказала она. — Да и остальные не лучше. Побежали к этому жирному Робертсу, словно муравьи. Надо как-то вдолбить в их головы, за кем пойдут рядовые американцы.

— Можно подумать, ты это знаешь.

— Ещё как знаю! Вчера я обошла чуть ли не всех женщин в городе. За твоего отца — сто процентов.

Джейк, не ответив, поднялся со стула и прошёл к двери без обычного прощального поцелуя.

— Джейк! — горько воскликнула Пэтси. — Ну сделай же что-нибудь, позвони, кому надо. У тебя ведь и помимо Стэдела есть знакомые политики.

Он остановился на пороге.

— Слушай, если в тебе разыгрались такие страсти, если всё тебя так волнует, то почему же ты не позвонишь своим знакомым?

— И позвоню. Думаешь, нет?

Он молча шагнул за порог.

— И позвоню, — повторила Пэтси, задумчиво глядя на закрывшуюся за мужем дверь. — Ещё как позвоню!

Кэлвин Бэррауфс постучал для убедительности по часам и сказал:

— Беда в том, что у вас нет времени. Я верю тому, что услышал, и завтра утром всё будет напечатано, однако эти статьи почти не помогут вам, если мы не назовём имён.

— Это отнюдь не всё, мистер Бэррауфс, — Веско произнёс Арчи, обменявшись взглядами с Манчестером. — Вы ни разу не слышали здесь имени Оскар?

Бэррауфс пожал плечами.

— Оскар — это название компьютера, — пояснил Арчи. — Люди Робертса используют его для слежки за делегатами. Они собрали о каждом из них гораздо больше сведений, чем можно предположить. Судя по нашим данным, они предоставили машину в полное распоряжение Дэвидсона и Гаса Мэгуайра. Это понадобилось затем, чтобы «Юнифорддж» и другие ракетостроительные концерны могли шантажировать делегатов конвента.

Бэррауфс, казалось, никак не мог поверить его словам. Тогда Арчи пересказал ему всё, что узнал от Кей Оркотт, и поведал о своём ночном походе в таинственный дом на Кларк-стрит.

— Если хотя бы половина всего этого соответствует действительности, разразится один из самых больших скандалов в истории съездов республиканской партии, — проговорил Бэррауфс. — Вы не возражаете, если я немедленно отправлю репортёров с проверкой?

— Это — наш вам подарок, Кэл, — сказал Манчестер.

— Я сам прочту статью, прежде чем она уйдёт на телетайп, — пообещал Бэррауфс.

— Что больше всего тревожит меня, — заговорил кандидат, меняя тему, — так это отсутствие поддержки общественности. На моей стороне нет ни одного человека, наделённого ответственными полномочиями. Я знаю, что прав в ракетном вопросе, знаете и вы, Кэл, и миллионы других людей. Однако среди государственных деятелей пока не нашлось открытых союзников.

— Отчего же? — возразил Арчи. — За нас Жермен и остальные...

— Они прекрасные люди, не спору. Но я говорю о личностях национального масштаба, о тех, кого знает и уважает народ. Не обязательно им должен быть политик. Никто из знаменитостей до сих пор не подал голоса, и их молчание пугает меня.

— Стоп! — воскликнул Бэррауфс, щёлкнув пальцами.
— Такой человек есть. Уэс Шоу. Уж его-то знает каждый американец!

— Вы говорите о генерале Уэсли Шоу? — спросил Манчестер.

— Именно о нём. Я разговаривал с ним в воскресенье утром. Уэс — мой давний друг. Он всецело на вашей стороне.

— Не может быть, он в совете директоров «Юнифордж!»

— То-то и оно! Представляете, как взорвётся дворец «Мак-Кормик Плейс», когда директор «Юнифордж» публично станет на вашу защиту?

— И пойдёт против своей же фирмы? — усомнился Арчи. — Не верится...

— Однако «Дафна» — вовсе не дело жизни и смерти для «Юнифордж», — возразил Манчестер. — У фирмы и так полон мешок различных заказов. Хватит им лопать государственный бюджет.

Бэррауфс согласно кивнул.

— В любом случае попытка — не пытка, — сказал он, подходя к столику с телефонами. — Наверное, Уэс ещё дома.

Вскоре их соединили.

— Уэс? Это опять Кэл, привет.

— Ты прервал мой завтрак, — буркнул генерал Шоу, — чем могу служить?

— Слушай, Уэс, Манчестеру приходится туго.

— Знаю из газет. Жаль парня. Манчестер — настоящий гражданин.

— Уэс, я звоню от министра, если тебе интересна эта подробность. Я рассказал ему о нашем разговоре, и он хотел бы сам переговорить с тобой. Ты не против?

— Господи, конечно, нет. Давай его сюда.

— Кэл сказал, что вы на моей стороне, генерал, — произнёс Манчестер после сердечного, но несколько церемонного обмена приветствиями.

— Я рад, что вы вынесли ракетный вопрос на обсуждение съезда, — сказал Шоу. — Давно пора. Жаль, конечно, что

козлом отпущения стала наша «Дафна». Ну да переживём. Надо же с чего-то начинать.

— Скажите, генерал, проект стоит своих денег?

— Если честно, то нет. Пару сотен миллионов ка научные разработки ещё стоило выделить, но начинать серийное производство нет необходимости. Это моё конфиденциальное мнение.

— Генерал, спрошу прямо, согласились бы вы высказать свои взгляды всенародно?

— Господин министр, — не сразу ответил Шоу, — я солидарен с вами, но не уверен, что готов к публичному выступлению. Политика — не моя епархия.

— Генерал, речь идёт не об игре в политику. Ставки куда выше, и вы, конечно, думаете так же. Если я не выиграю сугубо политическое сражение здесь, на съезде, то и бесконечную гонку вооружений потом нельзя будет обуздать. Военные заказы съедят весь национальный доход.

— Хорошо, что от меня требуется?

Манчестер повернулся к Бэррауфсу.

— Он согласен.

— Дайте-ка мне трубку, — попросил издатель. — Уэс, слушай, почему бы тебе не прилететь и не устроить пресс-конференцию?

— Ну, ребята, вы требуете слишком многого, — заартачился генерал. — Одно дело написать статью и совсем другое — выступать перед телекамерой. Боюсь попасть впросак.

— Уэс, ты же изучил ракетную проблему вдоль и поперёк...

— Кэл, в Чикаго я не поеду. Напишу свою статью и продиктую тебе по телефону. Идёт?

— Хорошо, только учти, что тебе начнут трезвонить и просить подтверждений.

— Ничего, уж это я как-нибудь выдержу.

Бэррауфс разочарованно повесил трубку.

— Он согласен только на публикацию. Я сделал всё, что мог.

— Знаете, у меня идея, — неожиданно подала голос Джулия Манчестер. — Почему бы не вытащить сюда генера-

ла Шоу не для пресс-конференции, а для того, чтобы он произнёс одну из трёх речей в твою поддержку, Чарли? Можно даже отменить остальные две и дать Шоу все пятнадцать минут.

— Речь? — вскричал Бэррауфс. — Это невозможно.

— А я уже знаю, как сделать невозможное возможным!

— А регламент? — усомнился Арчи. — Не уверен, что Терьюн разрешит выступать не делегату, да ещё заменить три короткие речи одной длинной.

— Джентльмены, занимайтесь своими делами, — сказала Джулия, взяв телефонный аппарат и направляясь в спальню. — Дайте мне четверть часа.

Прошло не меньше тридцати минут, прежде чем Джулия вернулась в гостиную и уселась на стул.

— Ну, что? — спросил её муж.

— Потерпите, сейчас.

Зазвонил телефон.

— Кэл, возьмите трубку.

Бэррауфс прижал трубку к уху.

— Чёрт бы побрал всех политиков на свете, — услышал он хрипкое ворчание генерала Шоу, — и тебя вместе с ними, Кэл.

— Спасибо на добром слове. Какая муха тебя укусила?

— Он ещё спрашивает! Или ты считаешь, что натравливать даму на беспомощного старика вроде меня — это по справедливости? Бессердечный вы народ! Ясно ведь, разве военному устоять перед прекрасной женщиной? Да, Манчестер прав, я с ним согласен. Но речь в поддержку — это чересчур. Я всё-таки директор «Юнифордж».

Бэррауфс прикрыл микрофон ладонью.

— Он колеблется. Может, рассказать всё про махинации Дэвидсона?

Манчестер утвердительно кивнул.

— Уэс, выслушай меня. Твой Дэвидсон торчит тут с воскресенья и выкручивает руки всем подряд. Знаешь, кто помогает ему в этом? Гас Мэгуайр... да, да, тот самый, что поклялся четыре года не здороваться с Дэвидсоном. Они иг-

рают без правил, Уэс. Тут такое творится, что у тебя волосы дыбом встанут.

— А именно? Только без дураков.

Бэррауфс рассказал ему о том, как Дэвидсон открыто шантажировал Губерта Жермена, субпорядчика «Юни-фордж», не забыв упомянуть и об Оскаре.

— Гнусность, — с дрожью в голосе произнёс генерал, — но я всё же не уверен...

— Уэс, слушай, пусть тебя не тревожит этическая сторона. Посмотри на президента своей собственной фирмы. Коль скоро он не брезгует грязными методами, то почему ты должен стесняться помочь человеку, который на сто процентов прав?

— Да... ну, дьявол с вами, — наконец решился Шоу. — Только помогите мне составить речь.

— Обязательно. Набросашь черновик в самолёте. О Манчестере ничего не пиши, просто честно изложи свои взгляды.

— Хорошо, Кэл, сделаю, как ты сказал.

— Ждём тебя в «Хилтоне». Свободных номеров нет, но кровать для тебя найдётся. Собирайся и лети самолётом. О деньгах не тревожься.

Бэррауфс повесил трубку и облегчённо вздохнул.

— Ну, миссис Манчестер...

Кандидат просиял. Мужчины вскочили на ноги и обступили Джулию. Она попыталась сохранить равнодушную мину, но всё-таки не смогла сдержать торжествующей улыбки.

— После того, как вам дали от ворот поворот, я поняла, что тут необходима женская рука, — сказала она.

— Джентльмены, — воскликнул Арчи, — а того ли из Манчестеров мы тянем вверх, кого надо?

— Конвент продолжает работу! — возвестил председатель национального комитета республиканской партии Джо Терьюн. — Наша прекрасная миссис Спрег из Мичигана, секретарь съезда, сейчас проведёт переключку штатов.

Миссис Спрег, одетая в розовое платье, под аплодисменты публики прошла вдоль помоста, поплёскивая жемчуж-

ным ожерельем. В ближайшей к трибуне ложе, неподалёку от зрителей, сидела миссис Джулия Манчестер, чуть поодаль устроились Робертсы — модно одетая молодая супруга губернатора и трое его детей-подростков.

Арчи дю Пейдж расположился на помосте за маленьким столиком с телефонами. По другую сторону прохода за точно таким же пультом сидел Карл Флейшер. Кандидатов в зале не было: они оставались в своих штаб-квартирах. Флейшер взглянул на Арчи сквозь свои дымчатые очки и снисходительно улыбнулся.

Миссис Спрег положила на трибуну листок и стукнула молоточком. Аудитория чуть притихла.

— Ала-ба-ма! — послышался из репродукторов голосок секретаря чикагского конвента.

Спикер делегации уже стоял наготове возле микрофона.

— Госпожа секретарь, — произнёс он, — Алабама решила поддержать губернатора Калифорнии четырнадцатью голосами против шести.

В зале поднялся торжествующий рёв.

— Аляска!

— Аляска присоединяется к своей южной сестре Калифорнии!

— Аризона!

— Госпожа секретарь, Аризона пока воздерживается.

— Арканзас!

— Арканзас присоединяется к штату Огайо с тем, чтобы выдвинуть в кандидаты лучшего за всю историю страны министра финансов!

— Калифорния!

— Калифорния предоставляет право выступить с речью в поддержку губернатора Робертса доктору Хью Роллинсу, президенту университета Южной Калифорнии и бывшему олимпийскому чемпиону в десятиборье!

Переключка продолжалась.

Огайо заявил, что произносить речь в поддержку Робертса будет губернатор штата. Пенсильвания сообщила о своём решении выдвинуть своего кандидата, губернатора Бенджамина Уилкокса.

Короткое царствование мичиганской дамы кончилось, и она вновь уступила своё место Джо Терьюну, который с видом патриарха вышел к рампе, чтобы представить публике президента университета Южной Калифорнии.

Хью Роллинс, стройный загорелый атлет, говорил чётко и ясно, короткими убедительными фразами.

— Мой кандидат, — закончил он свою речь, — человек большой души и мудрости. Он олицетворяет все добродетели нашей нации. Дамы и господа, я выдвигаю в кандидаты на пост президента США от республиканцев будущего победителя — губернатора Брайана Робертса!

Вторым оратором, произносившим речь в поддержку Робертса, оказался делегат из Нью-Йорка, шеф строительного профсоюза, некто Джон Колсак. Выслушав его, зал вновь разразился овацией и громким рёвом одобрения.

Выступление губернатора Огайо не вызвало заметного оживления. В этой речи не было ничего нового.

Все пять минут, в течение которых говорил этот человек, Арчи беспокойно ёрзал в кресле.

В это время в номере отеля «Хилтон» Чарлз Манчестер и Кэлвин Бэррауфс не отрывались от экрана телевизора.

— Не очень-то тепло меня там принимают, Кэл, — сказал кандидат.

— Терпение, — ответил издатель. — Может быть, это и к лучшему.

Формальности подходили к концу, когда делегаты заметили, что на помосте поднялся лёгкий переполох. Терьюн стоял у трибуны, прикрыв ладонью микрофон, и слушал Арчи дю Пейджа и Карла Флейшера, старавшихся перекричать друг друга. Флейшер с гримасой гневного протеста грозил Арчи пальцем, а тот, в свою очередь, старался доказать что-то своё. Наконец Терьюн велел обоим спорщикам занять места в зале. Наступила тишина.

— Национальный комитет информировали о том, что речь в поддержку Манчестера произносит только один оратор, — объявил председатель. — Он просит все пятнадцать минут. Мы считаем, что такая просьба не нарушает регламента, и предоставляем слово верному сыну нации, кавалеру

двух орденов Пурпурного Сердца, бывшему начальнику штаба Военно-Воздушных Сил США генералу Уэсли Шоу.

Одобрительные и осуждающие выкрики потонули в изумлённом гуле. Делегаты и зрители с любопытством поглядывали на помост. Ввысь взметнулось канзасское знамя, и Терьюн взмахнул молоточком.

— Говорит Роджер Аббот, — послышалось из динамиков. — Господин председатель, даже принимая во внимание героизм и плодотворную деятельность генерала Шоу, я вынужден заявить, что он не имеет права выступать на съезде, поскольку не является официальным членом какой-либо делегации.

Терьюн вновь посоветовался с членами национального комитета. Арчи и Флейшер резво вскочили со своих мест. Все склонились над бумагами, которые кто-то положил на трибуну, и разгорелся шумный спор. Наконец Терьюн объявил:

— Согласно второму параграфу четвёртого пункта правил проведения конвента республиканской партии генерал Шоу действительно не имеет права выдвигать своего кандидата перед съездом. Однако правила могут быть изменены при условии, что две трети делегатов проголосуют за их изменение.

— Господин председатель! — закричал в микрофон Губерт Жермен из Миссури. — Учитывая долгую и беззаветную службу генерала Шоу, я предлагаю изменить правила!

— Поддерживаю! — донеслось из рядов делегации Теннесси.

— Предложение выдвинуто и поддержано, — заявил Терьюн. — Всех, кто за изменение правил, прошу сказать «да».

В ответ раздалось мощное «да!».

— Против?

Крик «нет» прозвучал гораздо тише.

— Принято, — произнёс Терьюн и стукнул своим молоточком. — Представляю съезду генерала Уэсли Шоу.

В полной тишине генерал взошёл на трибуну. Его лысая голова поблёскивала в яром свете люстр. Генерал улыбнулся так хорошо знакомой и делегатам, и миллионам телезрителей

улыбкой, видевших многочисленные фото героя в журналах послевоенной поры.

Хлопали недолго. Очень скоро вновь воцарилась тишина.

— Сегодня я приехал сюда не в качестве делегата, — деловито начал генерал свою речь, — и не как член республиканской партии или политический авантюрист-одиночка. Я нахожусь тут как рядовой гражданин Соединённых Штатов, который ни разу в жизни не произносил речей политического характера.

Я прилетел в этот город несколько часов назад, прилетел потому, что счёл это своим долгом. Меня глубоко взволновал ход съезда. Не далее как в прошлую субботу один известный вам американец, человек чести и твёрдых убеждений, высказал свои мысли по самому животрепещущему вопросу национальной политики, по вопросу, который не на шутку тревожит сердца и умы всего человечества.

Как вы знаете, я — один из директоров «Юнифордж», фирмы, являющейся главным исполнителем контракта на постройку ракет «Дафна». Компания процветает, это я говорю как человек, прекрасно осведомлённый о её финансовых делах. Мы имеем возможность заключать новые контракты в интересах народного хозяйства. Каждый, кто скажет вам, что с приостановкой работ по «Дафне» фирма потеряет виды на будущее — бессовестный лжец. Даже если этот человек как-то связан с «Юнифордж».

Делегаты! Я полностью согласен с министром Манчестером, иначе не пришёл бы сюда. Я верю в нашу надёжную оборону, ибо посвятил всю жизнь её созданию. Но стоит ли развивать оборонную промышленность ради неё самой? Бессмысленно приковывать экономику страны, словно якорной цепью, к производству совершенно ненужного оружия. Говорю это как военный. Мы уже достаточно сильны, чтобы противостоять кому угодно. Я глубоко в этом убеждён. Я видел наши склады ядерных боеголовок. У нас их гораздо больше, чем нужно, и уж наверняка достаточно для смертоносного удара по всему земному шару. Я видел наши ракетные базы на равнинах Дакоты, в Скалистых горах, на юго-западе. Каж-

дый из вас имеет возможность подсчитать, сколько у нас практически неуязвимых подводных лодок. Все, кому не лень поднять глаза к небу, без труда увидят белые шлейфы наших стратегических бомбардировщиков, которые летают у нас над головами и пребывают в полной боевой готовности.

Сограждане! Наш оборонный потенциал действительно достаточно высок. Мы должны поддерживать его мощь, но того смертоносного груза, что у нас есть, хватит с лихвой на все времена. Разговор идёт начистоту, Манчестер прав. Не нужна народу эта «Дафна»!

Делегаты! Вы собрались здесь с единственной целью: свободно выразить свою волю, коллективную волю, которая складывается из суждений каждого из вас, и избрать республиканского кандидата на пост президента США. Именно вам доверили эту задачу в надежде, что вы примете решение сообразно вашей совести, не обращая внимания на просьбы, уговоры и прямое давление с чьей-либо стороны. На ваших плечах — огромная ответственность. Вам решать, кто станет президентом США, вам выбирать одного из двух. Поэтому вы должны голосовать как свободные граждане, оставив в стороне мысли о личной выгоде или возможном ущербе, о приумножении богатств или разорении. Не слушайте тех, кто в корыстных целях пытается повлиять на ваше мнение. Не дайте страху потерять деньги двигать вашими помыслами и делами, ибо ничто, сотворённое на основе страха, не устоит перед правдой.

На этой неделе силы своекорыстия разбушевались здесь вовсю. Вы это знаете. Я не могу точно сказать, как именно они действуют, но знаю, что этим силам уже удалось запугать многих неплохих, неглупых людей, превратить их в трусов. Те, в чьих руках находятся капиталы, сделали всё, чтобы разнюхать побольше о каждом из вас, о ваших семейных и денежных делах, о ваших личных трудностях и доходах, кредитах и долгах, о том, кто ваши кредиторы и куда вы вкладываете средства. Как же используются эти сугубо личные сведения? Я обвиняю некоторых промышленников и профсоюзных деятелей, главным образом ракетостроителей, в том, что они используют коммерческие данные для оказания политическо-

го давления на возможно большее число делегатов чикагского съезда! И они ещё называют шантаж «политикой»! Я бы выбрал другой термин. Такими методами руководствовалось в своё время гестапо. То, что творят эти люди, безобразно и возмутительно!

Делегаты, завтра вы выскажете свою волю. Моя собственная позиция ни для кого не секрет. Я — за Чарлза Манчестера. Он обладает всеми задатками выдающегося деятеля, и вы сможете гордиться таким человеком, когда он появится в Белом доме, гордиться его достоинством и честностью, умом и человечностью. И более всего — его мужеством.

Поддерживая Чарлза Манчестера, я предлагаю вам лозунг, который должен стать боевым кличем всех выступающих против мировой катастрофы. Делегаты, американцы: надо знать меру!

Зал наполнился голосами. Казалось, воды могучей реки устремились во внезапно открывшийся шлюз. Шоу приветственно помахал руками и быстро покинул трибуну. На галёрке, где собрались зрители, вспыхнула потасовка, и полиция бросилась разнимать драчунов. Газетчики вскочили на свои стулья, стараясь рассмотреть толпу и запечатлеть в памяти её реакцию, пишущие машинки застрекотали пуще прежнего, теле- и радиокомментаторы сбивчиво кричали что-то в свои микрофоны. Делегация Огайо попыталась было устроить демонстрацию в проходе, Джо Терьюн тщетно колотил своим молотком, стараясь восстановить тишину. Наконец делегаты и зрители повалили из зала, даже не дождавшись речи Бенджамина Уилкокса. Кей Оркотт бросилась к столу, за которым сидел и махал ей рукой Арчи. Орган вдруг заиграл марш ВВС. Зал целиком утонул в шуме и грохоте.

Чарлз Манчестер оторвал взгляд от экрана.

— Ну что, Кэл? — спросил он.

— У вас появился шанс, — ответил Бэррауфс. — Конечно, вся борьба ещё впереди, но, по крайней мере, вы уже не политический труп.

Арчи провёл пальцами по рельефному золотому тиснению на обложке большого красного билета и вопросительно посмотрел на Кей.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Где их взяла Грейс Оркотт?

Было 2 часа 30 минут ночи, и делегаты давно покинули зал съезда. Арчи и Кей сидели возле письменного стола в одном из номеров «Хилтона». На Арчи навалилась усталость: за пять последних ночей он спал в общей сложности не больше шестнадцати часов.

— Как должна была использовать билеты твоя мать?

— Милый, ответила Кей, — это фальшивка. Кто-то из людей Флейшера напечатал целую кучу таких билетов, и пятьсот штук принесли моей матери, чтобы она их раздала. Другие делегаты, должно быть, тоже получили по объёмистой пачке. Мама окончательно вышла из себя. Сначала компьютер, потом вот эти билеты. Вчера она ходила к Робертсу...

— Ты уже рассказывала об этом. И всё же я не понимаю, какая роль отведена дубликатам билетов.

— И сама не знаю. Мама пришла в ярость, швырнула их на столик и заявила, что больше пальцем не прикоснётся к этой мерзости. Вот я их взяла и принесла тебе. — Кей усмехнулась. — Я же агент-двойник.

Арчи посмотрел номера на билетах и сверил их со своим списком.

— Ну, теперь всё ясно, — сказал он. — Оргкомитет разделил места для зрителей поровну между штатами. Те, что за Манчестера, будут иметь на галёрке своих людей. Сторонники Робертса — тоже. Сегодня днём сектор Калифорнии окажется до отказа забитым публикой.

— Наверное, фальшивые билеты раздадут людям Робертса. Они явятся туда загодя, пока ещё не пришли обладатели подлинных.

— Какой смысл заменять одного сторонника Робертса другим? Нет, тут дело сложное. Смотри, вот в этих рядах первые двадцать мест отведены зрителям из Айдахо. А Айдахо — колеблющийся штат. Значит, на галерею Айдахо подса-

дят людей Робертса, которые будут орать так, что делегаты не смогут этого не заметить. А теперь умножь всё это дело на 15 или 16, ибо таково количество колеблющихся штатов. Представляешь, что за буря восторгов будет подниматься в зале всякий раз, когда такая-то делегация отдаст голоса Робертсу?

— Это нечестная игра, — поморщившись, произнесла Кей.

— Твоя мать ещё не разочаровалась в Робертсе? — спросил Арчи.

— Должно быть, да. Скорее всего, она пока не знает, что и думать. Мама поддерживала Робертса, а слова своего она никогда не нарушает и гордится этим. Правда, речь Шоу потрясла её. То, что Манчестер прав, она понимает, но боится в этом сознаться.

— Слушай, Кей, — сонно проговорил Арчи, — перетащи её в наш лагерь и считай, что медаль тебе обеспечена.

Он простился с девушкой возле лифта и вернулся к себе. Зазвонил телефон.

— Арчи? — послышался в трубке хорошо знакомый голос Оби О'Коннела.

— Да, Оби, — Арчи так устал, что у него не было сил оторвать глаз от своих ботинок.

— У меня есть кое-что для тебя.

— Откуда ты звонишь?

— Из бара на северной Кларк-стрит. Слушай, ты хочешь, чтобы Манчестер победил?

Арчи не ответил.

— Если да, — продолжал Оби, — то приходи сюда немедленно. Ты должен сам поговорить с одним парнем. Возможно, он даст тебе лучший шанс, какой только может быть.

— Оби, выходит, ты не обижен на Манчестера?

— Как сказать. А теперь, мальчик, оставь бога ради психологию и спеши сюда.

— Хорошо.

Арчи быстро завернул в бумагу пачку фальшивых билетов...

О'Коннел сидел в дальней кабинке в обществе худого человека, в котором Арчи сразу же признал Скелета. Завидев своего преемника, Оби подвинулся и освободил место.

— Ты знаком с Крамером, не так ли?

Арчи кивнул.

— Конечно. Как поживаете, мистер Крамер?

Скелет ответил ему лишь усмешкой и поправил свой слуховой аппарат.

— Арчи, Крамер оказал нам огромную услугу. Но давай договоримся: ты его не видел, и меня тоже.

О'Коннел извлёк из кармана лист плотной хрустящей бумаги и развернул его.

— Арчи, тебе знакома фамилия Колсак?

— Слышал где-то. Кажется, этот парень произносил вчера одну из речей в поддержку Робертса.

— Правильно. Однако в Чикаго он прикатил, будучи сторонником Манчестера, и к Робертсу переметнулся только вчера. А теперь прочти вот это.

Отпечатанный на машинке документ гласил:

«Чикаго, 16 августа. Добровольное заявление Генри Роста.

Я, Генри Рост, клятвенно заявляю, что:

1. Я являюсь делегатом национального республиканского съезда от Нью-Йорка.

2. Джон Колсак — также делегат съезда от Нью-Йорка.

3. 15 августа в Чикаго, около трёх часов дня, когда Колсак находился в моём номере в отеле «Дрейк», нас посетил некто Джекоб Шеффлин, функционер профсоюза ракетостроителей, штаб-квартира которого находится в Лос-Анджелесе, штат Калифорния.

4. Мистер Шеффлин привёл различные доводы в пользу губернатора Брайана Робертса и покинул мой номер в 5 часов вечера, оставив на столе два конверта, помеченные буквами «К» и «Р».

5. Я вскрыл конверт с буквой «Р», а мистер Колсак — с буквой «К». В каждом из конвертов лежало по 1000 долларов наличными в купюрах по 20 долларов.

6. Мистер Колсак заявил, что Шеффлин — щедрый человек и что такого рода щедрость должна быть вознаграждена.

7. Мистер Колсак покинул мой номер в четверть шестого, и конверт в это время был при нём, во внутреннем кармане пиджака.

8. Мне стало ясно, что имел место факт взяткодательства, что является нарушением федеральных законов. Я взял конверт с инициалом «Р» и отнёс его в католическую церковь святого Франциска.

9. Я рассказал преподобному отцу Келли о том, что произошло, и передал ему данную тысячу долларов на церковные нужды.

10. Приведённые факты соответствуют действительности в тех пределах, в каких они мне известны.

Генри Рост».

Арчи перечитал заявление и протянул его О'Коннелу, но Крамер покачал головой.

— Это тебе, мальчик, — сказал он. — Газетчикам не показывай, но делегатов ознакомь. И лучше тех, кто колеблется.

Арчи бережно сложил листок и спрятал в нагрудный карман.

— Как ты это добыл, Оби?

— Не будь чрезмерно любопытен. Достаточно, если узнаешь, что мой друг Скелет — человек обострённого чувства справедливости. К тому же, тут у него есть приятели, которые кое-чем ему обязаны.

— Мистер Крамер, вы уверены, что Колсака подкупили?

— Да.

Арчи обнял О'Коннела за плечи и прижал к себе.

— Ты головорез, Оби. Будь я кандидатом...

— Иди и делай дело, Арчи. Если Чарли выиграет, не забывай старых друзей.

— Да, вот ещё что, — вспомнил Арчи, доставая свёрток с фальшивыми билетами. — Чистая подделка, и я готов поклясться, что сфабриковали это не те люди, которые печатали подлинники.

Оби и Крамер склонились над красными книжечками.

— Что ты собираешься с ними делать, Арчи?

— Хотел сжечь, но потом решил показать тебе.

— Манчестеру это не понравилось бы...

— Он вовсе не обязан знать всё, о чём говорят его друзья, не так ли?

— Мальчик, ты нравишься мне всё больше и больше. В твоих руках оружие, которым можно побить его же создателей. Должно быть, этих билетиков тут гуляет три-четыре тысячи. Как ты думаешь, Аббот очень удивится, если мы тоже напечатаем побольше таких штукосин?

— Ещё бы!

— Правда, это влетит в пару тысяч...

— К счастью, финансами съезда ведаёт Льюис Коэн.

— Тогда порядок. Обеспечь мне побольше молодых людей с крепкими глотками.

— В фойе их пруд пруди, и каждый отдаст полжизни за билет на галёрку. Почти все на стороне Манчестера.

На обратном пути Арчи неотступно одолевала мысли о Скелете. Ходили слухи, будто этот человек выполнял кое-какие негласные поручения О'Коннела. В партии имя Крамера неизменно ассоциировалось с деньгами, не проходившими по официальным статьям расходов... Какова же всё-таки роль этого человека, чего ради он передал Оби заявление Роста?

В отеле Арчи заглянул в штаб-квартиру, зажёл свет и прошёл в кабинку Льюиса Коэна. В верхнем ящике сейфа лежала книга учёта расходов по кампании. Арчи раскрыл её на графе «Особые платежи» и прочёл: «11 августа: 3000 долларов — Оби О'Коннелу для вознаграждения Уилфрида Крамера за специальные услуги».

Арчи закрыл книгу. Специальные услуги? «Похоже, Скелет не более нейтрален, чем Джулия Манчестер», — подумал он.

На ночном столике в спальне Арчи белела записка:

«На 4 часа утра у нас осталось 470 делегатов. За Роберта 600 или 610, причём Флейшер утверждает, что уже собрал 665 голосов, то есть на 10 больше, чем нужно для победы. К полудню мы, во что бы то ни стало должны вернуть себе голоса 185 делегатов, но я не знаю, как нам это сделать.»

Льюис».

Арчи разорвал записку и позвонил телефонистке.

— Разбудите меня в семь.

— Но, сэр, уже почти пять.

— Я знаю.

В фойе «Восточного Амбассадора», как и ожидал Арчи, Было почти пусто, поэтому он немного удивился, заметив мальчика в форме почтальона «Вестерн Юнион», несущего большую охапку телеграмм. Но ещё больше удивился он, когда Кей Оркотт взяла трубку телефона после первого же звонка.

— Тебе же было приказано спать до половины девятого, — сказала она. — Почему не слушаешься?

— А ты почему на ногах в такую рань?

— Рань? Да мы не спим с шести часов.

— Кей, я должен встретиться с твоей матерью.

— Поднимайся.

...Грейс Оркотт протянула Арчи руку. Несмотря на ранний час, она была безукоризненно одета и выглядела так, словно только что покинула салон красоты.

— Мне бы хотелось кое-что вам показать, миссис Оркотт.

— Грейс, пожалуйста.

— Грейс... Вы — первая, кто это увидит.

— Не телеграмма, надеюсь? — Она кивнула на большое кресло, почти полностью заваленное жёлтыми конвертами. — У меня их и так уже штук пятьсот.

— Именины? — растерянно спросил Арчи. Грейс рассмеялась.

— Не у меня. И уж во всяком случае, не у Робертса.

— Прочтите, пожалуйста, вот это, — Арчи протянул ей заявление Генри Роста. Грейс быстро пробежала бумагу глазами.

— Где вы это взяли?

— Тайна. Но документ подлинный, даю слово.

— Да, это кладёт конец моему терпению. Сначала — какой-то таинственный компьютер, потом фальшивые билеты, а теперь вот эта бумага. Я уже высказала Робертсу всё, что думаю о методах работы его людей, и добавила, что он злоупотребляет доверием партии. Представляете, какие толки вызвала речь генерала Шоу?

— Миссис Оркотт, мне кажется, вы должны голосовать за Манчестера.

— Я согласна.

— Можно рассказать об этом?

— Всем и каждому. Мне претит эта мышьяная возня в штабе Робертса. Кроме того, простой народ за Манчестера.

В этот миг вошёл почтальон «Вестерн Юнион» с новой порцией телеграмм. Грейс взяла с кресла один из конвертов и прочла:

«Муж и я просим Вас голосовать за Манчестера. Миссис Ивлин Фоули, Одесса, Техас».

Арчи был потрясён. Грейс вскрывала одну телеграмму за другой, читая вслух лишь названия городов, откуда поступали депеши: Даллас, Эль-Пасо, Сан-Антонио, Пекос, Мидленд, Остин, Хьюстон, Корпус-Кристи, Галвестон, Ювалда, Тайлер, Бонем, Остин, Даллас...

— Не знаю, как в других штатах, но в Техасе, похоже, все за Манчестера, — сказала она.

Арчи не верил своим глазам. Он чихнул, вытер нос и проговорил:

— Ничего не понимаю.

— Простой народ поднимает голос, — сказала Кей. — Должно быть, это следствие речи генерала Шоу.

— Давайте позвоним и узнаем, организована эта кампания или нет, — предложила Грейс. Она сняла трубку и попросила соединить её с миссис Ивлин Фоули в Техасе.

— Это Грейс Оркотт из Чикаго. Миссис Фоули, скажите, почему вы решили послать мне телеграмму?

Несколько секунд она молча слушала, потом поблагодарила и повесила трубку. Лицо её выражало искреннее недоумение.

— Миссис Фоули сказала, что около трёх часов утра ей позвонила подруга из Денвера и попросила послать кому-нибудь из делегатов телеграмму с призывом голосовать за Манчестера, а потом позвонить ещё десятку знакомых и уговорить их сделать то же самое.

— Значит, это что-то вроде цепочки?

— Да, речь Шоу тут ни при чём.

— Святой Моисей! — воскликнул Арчи. — Если один человек звонит десятку других, а потом каждый из этих десяти... После шестого звонка получается миллион! Неужели как раз это и происходит?

— Я считаю, что заранее организовать такую кампанию невозможно, — заявила Грейс. — Скорее всего, она началась стихийно.

Арчи схватил руку Кей.

— Пошли, — решительно проговорил он. — Надо выяснить, что же всё-таки творится.

В помещении «Вестерн Юнион» царил беспорядок. Звонили телефоны, стучали телетайпы, пели сигнальные колокольчики, рассыльные забирали у угрюмых и усталых дежурных всё новые тюки жёлтых конвертов. Эту работу выполняло, по меньшей мере, пятьдесят человек.

— Сроду тут такого не бывало, — сказал Арчи начальник почтового отделения. — Вся страна, похоже, помешалась на Манчестере. Телеграммы идут из всех штатов.

— А есть призывы голосовать за Робертса?

— Примерно одна телеграмма из двадцати, если не меньше. Мы работаем уже пятнадцать часов подряд, даже пересменки не проводили.

— Сколько всего депеш вы получили?

— Тысяч сто. Но они продолжают поступать.

Арчи и Кей выбежали с почты и помчались назад в «Хилтон».

В номере дю Пейджа надрывался телефон. Арчи снял трубку.

— Мистер дю Пейдж? Это говорит редактор лос-анджелесской «Геральд-Экземинар». Мы узнали, что цепная реакция началась у нас в Калифорнии. Можете уточнить, где именно?

— Нет, — ответил Арчи, — я удивлён не меньше вашего.

— Правда? Мистер дю Пейдж, наверняка этот телеграфный бум зародился в вашем штабе.

— Ничуть не бывало. К сожалению, тут ни у кого не хватило ума придумать нечто подобное. Однако вы должны признать, что такая кампания, организована она или нет, была бы невозможна, не испытывая нации огромной симпатии к Манчестеру.

— Согласен. И всё же тут творится нечто невообразимое. Вся Калифорния буквально спятила.

— Разве это для вас новость? — спросил Арчи, и редактор расхохотался.

Схватив Кей за руку, Арчи потащил её в номер своего кандидата. Джулия и Чарлз Манчестер завтракали вдвоём. Арчи наспех представил им свою спутницу.

— Мать Кей перешла на нашу сторону, — объявил он.

— Миссис Оркотт — мудрейшая женщина, — просяив, сказал Манчестер. — Однако что же сегодня стряслось?

— Нечто фантастическое, — выпалил Арчи. — Даже не верится.

Он коротко ввёл кандидата в курс последних событий.

— Где же всё это началось? — взволнованно спросил Манчестер.

— Никто не знает, но мне звонили из Лос-Анджелеса. Похоже, что там. Да не всё ли равно, в конце концов?

Отведя Манчестера в сторону, он показал ему заявление Роста. Лицо кандидата омрачилось.

— Откуда это?

— Оби достал, — поколебавшись, ответил Арчи.

— Оби?!

— Да, поэтому я убеждён, что документ подлинный.

— Не удивительно. На республиканском конвенте могут твориться подобные вещи, — сказал Манчестер. — Но, надеюсь, ты не собираешься передавать это газетчикам?

— Нет, покажу кое-кому в частном порядке.

Громкий гул, похожий на жужжание сердитого роя, окутал зал «Мак-Кормик Плейс». Делегаты, курьеры, зеваки, укравшие пропуска в партер или просто смявшие заслоны, нескончаемой вереницей медленно тянулись по проходам. Ложа прессы, способная вместить тысячу человек, впервые была забита до отказа. Зрители на галёрке ругались из-за мест, то и дело вспыхивали потасовки.

Джо Терьюн, красный от злости, посмотрел на часы. Было без двадцати два, и вот уже десять минут, как председатель безостановочно стучал своим молотком, тщетно требуя тишины. Наконец он не выдержал и заорал в микрофон:

— Повторяю: немедленно прекратить доставку телеграмм делегатам!

Льюис Коэн с улыбкой пожал руку Арчи.

— Для новичка ты неплохо управился с галёркой, — сказал он, глядя на бурлящие зрительские ряды.

— Скажите спасибо Оби, — ответил Арчи и чихнул. — Его идея.

Карл Флейшер швырнул трубку телефона и бросился к председателю.

— Джо, галёрка забита сторонниками Манчестера, — воскликнул он. — Я требую отложить заседание!

Терьюн покачал головой.

— Я уже разговаривал с начальником охраны. Поддельные билеты не отличишь от настоящих. Мистер дю Пейдж!

— обратился он к Арчи. — Это вы приказали наделать фальшивых билетов?

— Ничего подобного! — Арчи погрозил Флейшеру пальцем. — Это его люди напечатали несколько тысяч штук.

— Докажите! — завопил Флейшер.

— Мне их передала миссис Оркотт!

— Почему же в таком случае галёрка скандирует: «Манчестер»?

Терьюн разделил противников своим молотком и приказал им разойтись. Под трибуной стоял сенатор Флоберг. Сложив ладони рупором, он кричал:

— Джо! Джо! Прикрой микрофоны! Вас слышит вся страна!

Наконец из рядов зрителей послышалось дружное требование: «Голосуйте! Голосуйте!». Терьюн погрозил галёрке молотком. На помосте Арчи кричал в ухо Льюису Коэну:

— Возьми заявление Роста! Вот имена шести человек, которым надо его показать. Ради бога, не выпускай эту бумагу из рук!

Терьюн беспомощно стоял у трибуны. Молоток он уже давно бросил за ненадобностью. Наконец он развернулся и зашагал туда, где сидели Арчи и Карл Флейшер.

— Надо прекратить это столпотворение, — сказал он им. — Невозможно работать в таком аду.

— Устройте перерыв, Джо! — снова потребовал Флейшер.

— Нет. Я и так уже запретил вносить в зал телеграммы.

Терьюн нажал сигнальную кнопку, и в зале раздался рёв органа. Публика чуть поутихла.

— Благодарю вас, дамы и господа, — крикнул Терьюн, — за возвращение к цивилизации, пусть и неохотное. Предупреждаю: после первого же вопля с галёрки охрана очистит зал от публики.

В тишине, неожиданно воцарившейся в огромном зале, был слышен скрип стульев. Ко всеобщему удивлению, делегация Пенсильвании вдруг поднялась и пошла к выходу.

— Не волнуйтесь, господин председатель, — произнёс в микрофон Джозеф Рорбо. — Мы удаляемся на закрытое заседание.

По всему залу делегаты продолжали вскрывать жёлтые конверты с телеграммами. Сенатор Флоберг сердито оттолкнул почтальона «Вестерн Юнион», который проник в зал, нарушив распоряжение Терьюна. Льюис Коэн показывал заявление Роста Монткольму Андерсену. Возле знамени штата Иллинойс Марк Дэвидсон склонился к Стэнтону Колби.

— Стэн, эта телеграфная кампания не была организована в штабе Манчестера. Мы проверили... Нити бума ведут в Калифорнию. Ажиотаж возник после звонков Пэтси Манчестер своим знакомым.

Наконец на помост взойшёл мужчина в белоснежном костюме и помахал громадным листом бумаги.

— Тридцатый республиканский конвент сейчас изберёт кандидата в президенты США, — объявил Терьюн. — Начинаям переключку штатов!

— Алабама! — высоким тенором произнёс человек в белом костюме.

— Двадцать голосов!

— Господин председатель, — донёсся ответ. — Суверенный штат Алабама отдаёт девятнадцать голосов губернатору Брайану Робертсу и один голос — Чарлзу Манчестеру!

Раздались одобрителные выкрики, на большом экране зажглась надпись:

«РОБЕРТС — 19, МАНЧЕСТЕР — 1».

— Аляска, двенадцать голосов!

— Аляска, самый большой штат Америки, отдаёт все свои двенадцать голосов за следующего президента страны, губернатора Брайана Робертса!

«РОБЕРТС — 31, МАНЧЕСТЕР — 1».

— Аризона, шестнадцать голосов!

— Аризона отдаёт одиннадцать голосов Робертсу и пять Манчестеру!

В номере Манчестера зазвонил телефон, и кандидат поднял трубку.

— Отец?

— Джейк? Привет. Я ждал твоего звонка.

— Удачи, отец. Джим Стэдел из Массачусетса будет голосовать за тебя. Он мне обещал.

— Молодчина, сынок! Поцелуй Пэтси.

— Арканзас, двенадцать голосов!

— Арканзас отдаёт одиннадцать голосов Манчестеру и один — Роберту!

«РОБЕРТС — 43, МАНЧЕСТЕР — 17» — вспыхнуло на экране.

— Калифорния, девяносто два голоса!

— Калифорния, самый населённый штат страны, отдаёт 91 голос за своего губернатора Брайна Роберта и 1 голос — за Чарлза Манчестера!

Делегация Калифорнии поднялась и приветствовала зал. На экране загорелась новая надпись:

«РОБЕРТС — 134, МАНЧЕСТЕР — 18».

— Колорадо, семнадцать голосов!

— Колорадо отдаёт 9 голосов Манчестеру и 8 — Роберту!

«РОБЕРТС — 142, МАНЧЕСТЕР — 27» — зажглось на экране.

На столике Арчи зазвонил телефон.

— Мальчик, — послышался в трубке голос О'Коннела, — это, конечно, не моё дело, но постарайся любой ценой не пустить в зал Пенсильванию до конца первого тура.

— Спасибо, Оби, я попробую связаться с миссис Поттер, — Арчи громко чихнул и выругался про себя. Простуда давала о себе знать.

— Коннектикут, шестнадцать голосов! — объявил клерк.

— Коннектикут отдаёт 14 голосов Манчестеру и 2 — Роберту!

«РОБЕРТС — 144, МАНЧЕСТЕР — 41».

— Дэлавер, двенадцать голосов!

— Все 12 голосов — Чарлзу Манчестеру!

«РОБЕРТС — 144, МАНЧЕСТЕР — 53».

— Флорида, тридцать четыре голоса!

— 20 голосов — Робертсу, 14 — Манчестеру, — раздалось в ответ.

После того, как проголосовали Джорджия, Айдахо и Гавайские острова, баланс выглядел так:

«РОБЕРТС — 181, МАНЧЕСТЕР — 96».

— Иллинойс, пятьдесят восемь голосов!

— Иллинойс отдаёт 36 голосов Робертсу и 22 — Манчестеру!

«РОБЕРТС — 217, МАНЧЕСТЕР — 118».

Индиана помогла Манчестеру восполнить урон от Иллинойса, отдав ему 21 голос против 11, полученных Робертсом.

— Айова, двадцать четыре голоса!

— 14 — Робертсу, 10 — Манчестеру!

«РОБЕРТС — 242, МАНЧЕСТЕР — 149».

— Канзас, двадцать голосов!

— Канзас отдаёт все 20 голосов нашему следующему президенту губернатору Брайану Робертсу, — самоуверенно произнёс Роджер Аббот.

Рёв толпы усиливался по мере того, как росло напряжение. На экране появилась новая надпись:

«РОБЕРТС — 262, МАНЧЕСТЕР — 149».

Кентукки, Луизиана, Мэн и Мэриленд немного поправили дела Манчестера. После их выступления на экране значилось:

«РОБЕРТС — 294, МАНЧЕСТЕР — 195.

ДЛЯ ПОБЕДЫ НЕОБХОДИМО 655 ГОЛОСОВ!».

— Массачусетс, тридцать четыре голоса!

— Говорит вице-председатель делегации Джим Стэдел, — донёсся ответ. — Манчестеру — 18 голосов, Робертсу — 16!

«РОБЕРТС — 310, МАНЧЕСТЕР — 213».

— Мичиган, сорок восемь голосов!

— Двадцать семь — Робертсу, двадцать один — Манчестеру!

«РОБЕРТС — 337, МАНЧЕСТЕР — 234».

— Миннесота, двадцать шесть голосов!

— Пятнадцать — одиннадцать в пользу Манчестера, — ответил Монткольм Андерсен.

Миссисипи точно выполнил условия сделки между Оби и Флейшером, отдав 7 голосов Робертсу и 6 Манчестеру.

«РОБЕРТС — 355, МАНЧЕСТЕР — 255».

После голосования Миссури, Монтаны, Невады, Небраски и Нью-Гэмпшира экран показывал:

«РОБЕРТС — 393, МАНЧЕСТЕР — 291».

— Нью-Джерси, сорок голосов!

Этот штат отдал Робертсу 26, а Манчестеру 14.

Нью-Мексико подарил Робертсу ещё 9 голосов, оставив для Манчестера всего 5.

— Нью-Йорк, восемьдесят шесть голосов!

— Нью-Йорк отдаёт 50 голосов Робертсу и 36 — Манчестеру!

«РОБЕРТС — 478, МАНЧЕСТЕР — 346».

Флейшер бросил телефонную трубку и подозвал помощника.

— Посиди тут за меня, — велел он. — Я пойду потороплю Пенсильванию.

Северная Каролина и Северная Дакота дали Манчестеру немного больше голосов, чем Робертсу.

— Огайо, пятьдесят восемь голосов!

— Огайо, мать американских президентов, великий республиканский штат, отдаёт все голоса своему любимому сыну Чарлзу Манчестеру!

На этот раз галёрка взревела, и Терьюн принялся бестолково колотить своим молотком.

«РОБЕРТС — 496, МАНЧЕСТЕР — 426».

Оклахома и Орегон отдали большинство голосов Робертсу.

— Пенсильвания, шестьдесят четыре голоса!

64 кресла пенсильванской делегации пустовали, у знамени штата маячила одинокая фигура.

— Делегаты Пенсильвании всё ещё совещаются. Мы пока воздерживаемся, — сказал человек у микрофона.

Род-Айленд, Южная Каролина, Южная Дакота и Теннесси ещё больше укрепили положение Робертса.

«РОБЕРТС — 564, МАНЧЕСТЕР — 470».

Зал снова притих. Если Робертс получит значительное большинство в тexasской делегации, он перешагнёт отметку 600, и для утверждения кандидатом от республиканской партии ему останется только протянуть руку.

— Техас! — объявил мужчина на помосте. — Пятьдесят шесть голосов!

— Господин председатель, Техас отдаёт 32 голоса Робертсу и 24 Манчестеру!

Под оглушительный рёв какая-то женщина в сером платье прорывалась к микрофону, спотыкаясь о колени сидящих. Она была ещё в нескольких футах от знамени штата, но уже протянула руки к микрофону и едва не рухнула в проход.

— Господин председатель, — закричала она, — я Грейс Оркотт, делегат Техаса. Требую нового подсчёта голосов в делегации. Мнения многих из нас изменились, и, в частности, моё.

Делегаты, в отличие от большинства зрителей, знали, что Грейс Оркотт — один из командиров армии Робертса, и в ответ на её требование не удержались от изумлённых возгласов. Терьюн стукнул молотком.

— По уставу любой делегат может потребовать нового подсчёта голосов, — сказал он. — Однако переключка штатов будет идти строго по регламенту.

— Господин председатель, — быстро заговорила Грейс, — Позиция Техаса может стать решающей для конвента, что имеет огромное значение для всей страны. Подсчёт должен осуществляться открыто.

— Возражаю! — закричал Роджер Аббот.

В ответ на это зрители протестующе зашумели.

— Возражение принято, продолжаем переключку.

— В таком случае, — продолжала Грейс, — в интересах демократии я прошу остальные делегации воздержаться и дать нашему штату возможность закончить подсчёт.

— Юта! — прокричали с помоста. — Четырнадцать голосов!

— В знак уважения к прекрасной даме из Техаса Юта воздерживается!

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс встал на стул и помахал перед носом Арчи листком бумаги.

«Перед закрытыми дверьми «Мак-Кормик Плейс» столпилось около ста почтальонов «Вестерн Юнион» — гласило сообщение. — Все они принесли полные сумки телеграмм с призывами голосовать за Манчестера. Сторонники Манчестера попытались смять охранявшую двери полицию и пробиться к курьерам, но были разогнаны. Несколько человек осталось лежать на ступеньках, одну молодую женщину отправили в больницу со сломанной рукой. По её словам, она — студентка мичиганского университета и добровольная помощница Манчестера».

Арчи позвонил в зал лидеру виргинской делегации и быстро прочёл ему сообщение, попросив срочно довести текст до всеобщего сведения.

Вермонт, как и Юта, воздержался.

— Виргиния, тридцать голосов!

— Господин председатель, у нас запрос, — сказал спикер виргинской делегации. — Нас информировали о том, что полиция не разрешает входить в зал почтальонам «Вестерн Юнион». На каком основании городская полиция мешает людям входить в здание?

— Она выполняет мои распоряжения, — раздражённо ответил Терьюн. — Иначе мы подвергнемся угрозе пожара.

Зрители протестующе взревели.

— Виргиния! — повторил клерк.

— Виргиния воздерживается.

Вашингтон, Западная Виргиния, Висконсин, Вайоминг, Федеральный округ Колумбия, Пуэрто-Рико и Виргинские острова также воздержались. Делегаты и зрители вновь повернулись к тexasскому знамени, но клерк возобновил переключку с того места, на котором она прервалась впервые.

— Пенсильвания, шестьдесят четыре голоса!

— Пенсильвания всё ещё воздерживается, — уныло произнёс одинокий спикер.

— Техас, пятьдесят шесть голосов!

— Господин председатель, Техас отдаёт семнадцать голосов Робертсу и тридцать девять Манчестеру!

«РОБЕРТС — 581, МАНЧЕСТЕР — 509».

— Юта, четырнадцать голосов!

— Юта отдаёт три голоса Робертсу и одиннадцать Манчестеру!

— Вермонт, двенадцать голосов!

— Десять — два в пользу Манчестера!

Зрители стали спускаться с галёрки в ложи, в разных местах зала вспыхнули кулачные бои. Полиция бросилась восстанавливать порядок.

— Виргиния, тридцать голосов!

— Виргиния единодушно отдаёт свои голоса Манчестеру!

«РОБЕРТС — 584, МАНЧЕСТЕР — 560».

— Вашингтон, двадцать четыре голоса!

— Вашингтон отдаёт все свои голоса Чарлзу Манчестеру!

«РОБЕРТС — 586, МАНЧЕСТЕР — 584».

— Западная Виргиния, четырнадцать голосов!

— Восемь — шесть в пользу Манчестера!

«РОБЕРТС — 592, МАНЧЕСТЕР — 592».

— Висконсин, тридцать голосов!

— Двадцать пять — пять в пользу Манчестера!

Шум в зале давно достиг пика, но всё-таки усилился каким-то образом непостижимым образом. Гроздь воздушных шаров с буквой «М» взмыла в воздух из рядов делегации Огайо. Манчестер впервые повёл в счёте.

«РОБЕРТС — 597, МАНЧЕСТЕР — 617».

— Вайоминг, двенадцать голосов!

— Вайоминг отдаёт три голоса Робертсу и девять — Манчестеру!

— Федеральный округ Колумбия, девять голосов!

— Семь — два в пользу Манчестера!

— Пуэрто-Рико, пять голосов!

— Все пять — Манчестеру!

— Виргинские острова, три голоса!

— Все три голоса — Манчестеру!

Терьюн оглядел толпу и улыбнулся впервые за весь день.

— Проводим переключку воздержавшихся штатов, — объявил он.

— Пенсильвания! — третий раз повторил человек в белом. — Шестьдесят четыре голоса!

— Воздерживаемся!

— Объявляются предварительные результаты!

На экране загорелось:

«РОБЕРТС — 602, МАНЧЕСТЕР — 641».

В беспорядке, охватившем партер, то тут, то там можно было заметить Грейс Оркотт. В конце концов, она прорвалась к председателю делегации Техаса, схватила его за лацканы пиджака и принялась что-то кричать. Председатель горячо закивал и подтолкнул Грейс к микрофону.

— Техас хочет изменить решение! — послышался в динамиках её высокий голос.

— Нет, нет! — зычно закричал губернатор Бенджамин Уилкокс, врываясь в центральный проход и расталкивая толпу. — Пенсильвания готова!

Карл Флейшер пытался расчистить путь и дико орал:

— Джо, Джо, Пенсильвания за нас, 53-11!

Сенатор Флобера заметил приближающегося Уилкокса и подбежал к помосту.

— Джо, Пенсильвания идёт! — гаркнул он.

— Господин председатель! — вновь раздался высокий напряжённый голос Грейс Оркотт.

— Мы за Робертса! — кричал Уилкокс, но крик его тонул в грохоте зала. Глаза Уилкокса горели багровым огнём, крупные капли пота катились по щекам. Сторонники Манчестера высыпали в проход, чтобы преградить ему путь, а губернатор, словно в опьянении, размахивал кулаками и рвался к микрофону. Подвернувшийся ему под горячую руку знаменосец Юты упал, повалив флаг.

— Робертс! — кричал Уилкокс. — Робертс выиграл!

— Господин председатель, господин председатель, — снова послышался голос Грейс Оркотт, перекрывший гомон толпы. Арчи дю Пейдж сложил ладони рупором, подошёл к Терьюну и завопил ему в ухо:

— Джо, дайте слово Техасу! Техасу!

Глаза председателя устремились к техасскому знамени.

— Слово для поправки предоставляется даме из Техаса!
— рывкнул он.

— Техас... Техас отдаёт все пятьдесят шесть голосов Чарлзу Манчестеру! — раздался тонкий, сорвавшийся от волнения голос Грейс.

— Техас... — повторил клерк, — отдаёт пятьдесят шесть голосов...

Всё остальное потонуло в крике и грохоте. На большом экране зажглась новая надпись:

«РОБЕРТС — 585, МАНЧЕСТЕР — 658.

МАНЧЕСТЕР ПОБЕДИЛ».

— Господин председатель! — Уилкокс добрался наконец до микрофона, но орган уже играл гимн Огайо, а в проходах толпились кричащие, танцующие, ликующие республиканцы.

В четверг, 17 августа, между 16 и 19 часами телетайп «Ассошиэйтед Пресс» передал следующие сообщения из Чикаго:

«Губернатор Робертс сегодня покинул свой номер, чтобы посетить нового кандидата в президенты от республиканской партии. На вопрос репортёров о нарушении Джо Терьюном порядка голосования Робертс ответил: «Всё это уже быльём поросло. Теперь надо думать о том, как избрать Манчестера в президенты».

«Президент Стюарт поздравил Манчестера с победой и обещал ему свою поддержку в ходе предвыборной кампании».

«Кандидат в президенты от демократов заявил, что не намерен использовать вопрос об оборонной политике как средство в борьбе против республиканского кандидата Чарлза Манчестера».

«Миссис Джон Манчестер, супруга сына кандидата от республиканской партии, заявила репортёрам, что это она по-

звонила десятку своих знакомых и попросила послать телеграммы с призывом голосовать за министра финансов. «Однако я и представить себе не могла, — сказала Пэтси Манчестер, — что мой призыв породит такую цепную реакцию».

«Чарлз Манчестер объявил сегодня, что менеджером его предвыборной кампании назначен мистер Оби О'Коннел. На вопрос репортёров о том, насколько верно менеджер предсказал результаты голосования, мистер О'Коннел ответил: «На сто процентов. Победу всегда приносит последний тур».